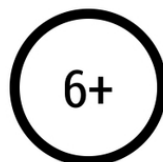

Андрей Проскуряков
VIA CRUCIS

роман

Андрей Проскуряков

Via Crucis

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Проскуряков А.

Via Crucis / А. Проскуряков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Молодой историк Денис на пару с отставным военным Борисом отправляются на поиски старинного серебряного креста. Спокойная поначалу экспедиция перерастает в увлекательное и опасное приключение. Героям предстоит задаться самыми сложными вопросами: о Боге, любви, смирении, путях православия и сути христианской жизни. Вместе с ними читателю предстоит окунуться в историю екатерининского времени, прикоснуться к трагическим эпизодам антицерковной кампании сталинской эпохи, перелистать ветхие страницы дневников. Хватит ли у героев мужества принять те ответы, которые они получают в конце предприятия?

© Проскуряков А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора

*Моему прадеду,
священнику Александру Проскурякову,
расстрелянному в 1938 году по приговору «тройки»,
Посвящается*

*«И толпы животных и диких зверей,
Просунув сквозь ёлки рогатые лица
К источнику правды, к купели своей
Склонялись воды животворной напиться»
Н. Заболоцкий «Лесное озеро», 1938 год*

Глава 1

*«Когда все устраивает Бог,
не станем требовать
от Него отчёта».
Св. Иоанн Златоуст, IV век*

Человеческая память бывает упрямой и неподатливой, сопротивляющейся любой попытке извлечь из её закров нужные факты, образы, номера телефонов, лица одноклассников и отчества дальних знакомых. А порой, та же самая память, которая ещё вчера нехотя, словно полоумная старуха, расставалась с крупными прошедшего времени, застывшего в необъятных недрах старинного комода в виде стопок фотографий, вышитых платков и помятых брошей, вдруг начинает фонтанировать воспоминаниями, давно похороненными под слоями стыда и раскаяния, лишая душу покоя. И пусть, большую часть времени память служит нам верой и правдой, в молчаливом смирении снабжая нас множеством фактов, не требует наград и благодарности, признать её служанкой человеческой воли было бы несправедливо. Нельзя путать добровольное повиновение с беспомощностью, а кротость с рабской покорностью. Когда память, тревожимая безжалостным зовом совести, возвышает свой решительный голос, самая твёрдая воля со страхом и трепетом склоняет голову. Ну, а уж когда Мнемозина накинет волшебный покров на события нашей жизни, то они, будто завалившись за подкладку времени, исчезают на минуту, на час или навсегда. И мы, не будучи в силах смириться с потерей, выдумываем странные истории, убеждая самих себя и окружающих, что всё так и было на самом деле...

Высокий молодой человек, на вид лет около двадцати трёх, стоял среди примятой травы, замороженно глядя на живописную картину июльского рассвета и растерянно пытался вспомнить, что же произошло за последние сутки, и как он здесь очутился.

Плотное, плазменно-оранжевое, будто жидкий чугун, солнце достигло, наконец, горизонта и вот уже неумолимо выросло из небытия над острым краем Земли. Вокруг нашего героя было бескрайнее выгоревшее среднерусское поле, не засеваемое уже много лет, позади, метрах в десяти, на собственной крыше лежал изрядно помятый автомобиль с большими колёсами. Из его кабины раздался хриплый стон.

“Живой, значит, Борис”, – равнодушно, будто глядя на происходящее со стороны, краешком сознания отметил молодой человек, но с места не двинулся. Стон повторился, и он, наконец, начал понемногу осознавать себя, своё тело и мысли, постепенно воспроизводя в сознании детали сегодняшнего дня вплоть до аварии. Тем временем адреналин, обильно выделяемый

организмом, достигал заторможенного после перегрузки мозга, вызывая дрожь в коленях, приступ запоздалого и, потому, бессмысленного страха и предательскую слабость во всех мышцах.

Молодого человека, одетого в старые джинсы, мятую майку с рекламой страусовой фермы и, несмотря на лето, оранжевое старушечье пальто с меховым воротником и накладными карманами, звали Денис Теплоструев. По крайней мере, это он помнил хорошо. Память понемногу возвращалась.

Тем временем стон из автомобиля прозвучал громче, в нём слышались нотки нетерпения.

“Ему надо помочь, – уже осознанно подумал Денис, но не сдвинулся с места, поскольку сигналы мозга до ног ещё не дошли, застряв в низу живота и произведя в нём громкое немзыкальное урчание. – А ведь несколько дней назад я знать не знал... и вот тебе на!”

– Денис, пегас в пальто! – раздался зов, переходящий в кашель. – Ты что, рассветом любишься?

Речь Бориса, была громкой, но какой-то заторможенной, словно заедала плёнка старого магнитофона.

Денис был прав, вся его жизнь текла размеренно и спокойно, жизнь школьника, студента-историка, не увлекавшегося ни одним из экстремальных видов спорта кроме архивных изысканий. Но где-то на небесах посовещались ангелы, и вот, всё изменилось в одночасье. Такое случается не только с историками! Хотя, нет, какая уж тут внезапность... Ниточки этой истории уже давно плелись за кулисами повседневных событий. Плелись, переплетались, чтобы сойтись в неожиданные узлы и завязки, соединяя судьбы людей доселе незнакомых, производя события самые неожиданные и порой нелепые.

– Дэн, да помоги же, тулуп ты овчинный! – ещё громче рявкнул Борис, странно растягивая гласные, наконец, приведя Дениса в чувства и заставив двигаться. Неспешно оглянувшись, и мимоходом замечая, как красив мир, он обнаружил в поле зрения Маргариту Генриховну в элегантном костюме, спускающуюся с откоса обочины прямо к перевёрнутому автомобилю.

...а совсем недавно, всего-то неделю назад, в пятницу утром ему позвонили от имени учредителя исторического фонда “Забытые святыни”, с которым он понемногу сотрудничал уже два года, и спросили бархатным женским голосом с вкраплениями бриллиантовых адвокатских стразов:

– Скажите, Денис! Сколько книг у вас готово к печати? Кстати, я – Маргарита Генриховна.

– Очень приятно, две, – неожиданно для себя соврал Денис. Конечно, целиком написана была только одна книга – “Святыни Зарецкой земли”, бывшая компиляцией как широко известных, так и глубоко архивных, но доступных, трудов, с приложением десятка новых фотографий среднего качества и панорамы Зарецка, склеенной вручную. А вот вторая – это совсем другое дело! Она была важна для Дениса ещё и потому, что совпадала с его дипломом. Но эта, главная, книга (как и диплом) была едва начата.

До защиты оставалось меньше года, и предстояла немалый труд, в том числе и в архивах района и епархии, но Денис всегда представлял эту книгу как уже написанную. Не только написанную, но и изданную. В твёрдом переплёте, с плотными белыми, немного шершавыми страницами, книга лежала в специальном отсеке его воображения уже давно. На обложке этой книги скромным, не очень крупным шрифтом значилось: “Денис Теплоструев”, а ниже, более крупно: “Жизнеописание епископа Зарецкого Тимофея (Короткова) на фоне эпохи”. Когда большой труд, полностью продуманный, разбитый на главы и параграфы, украшенный рисунками и фотографиями существует в мыслях писателя или учёного, не мудрено ошибиться при ответе на вопрос: “А есть ли книга?”.

– Замечательно! – голос в трубке потеплел ровно на полградуса. – А сколько из них издано?

– Ну, я отправил рукопись в два местных издательства, на грант подал заявку... – Денис почему-то оправдывался и презирал себя за это. Не его вина, что краеведение и исторические изыскания не востребованы в народных массах и питающих умы издательствах. Почему от должен отмазываться, да ещё перед незнакомым человеком? Да потому что подспудно в этом голосе, как бек-вокал за солистом, слышалось: “На что ты жить собираешься, лузер?” А может Денис сам задавал себе вопрос, не понимая, как и, главное, кому он будет продавать знание истории родного края и епархии.

– Так сколько?” – переспросил голос в телефоне.

Денис, разозлившись на себя и высокомерный голос, молчал, не смея произнести страшное” ни одной”.

– Видимо, ваши труды в коммерческих издательствах не вызвали должного энтузиазма, – пришёл на помощь голос, в котором появилась то ли капля сочувствия, то ли презрения.

– Да, э-э-э... а ещё я написал статью в журнал «Фома»!

Но голос в трубке продолжил напирать:

– Но вы по-прежнему занимаетесь епископом Тимофеем? – что прозвучало как “Делом епископа Тимофея”.

– Да, это моя тема, – с неким вызовом самому себе ответил Денис.

– И вы крупнейший знаток темы? – В голосе засквозило если не уважение, то удивление.

– Точно, – кратко и кротко ответил знаменитый историк Теплоструев. Более того, он был единственным специалистом по епископу Тимофею и его наследию во всей области, да что там, во всей стране.

– Значит, нам с вами по пути, – заключил голос и тут же рассказал, что известный бизнесмен и меценат, многократный депутат и мастер спорта по лыжам Николай Иванович Кобецкий (известный в народе как Николюня, подумал Денис) просит знатока истории епархии и краеведа Теплоструева об услуге. Надо помочь найти одну вещицу эпохи епископа Тимофея Зарецкого. Вознаграждение? Ах, вы и не спрашивали об этом? Ну, так всё равно, отвечаю: награда за труды – издание двух книг Дениса Теплоструева тиражом не менее чем тысяча экземпляров каждая, с рассылкой во все библиотеки страны, с выплатой авторского вознаграждения. Вы поняли? Хороший гонорар, и всякие бонусы за хлопоты. Для того Фонд “Забытые святые” и существует.

Денис почувствовал странную лёгкость в голове и тяжесть в ногах.

– Николай Иванович вас просит лично, – с нажимом заключил голос. Денис уже давно всё смекнул и мысленно согласился с предложением. Точнее, он хорошо понял вторую часть, про гонорар и издание книг, а первая часть предложения, об услуге по поиску чего-то там оставалась абстрактной и малозначимой.

Твёрдый переплёт, плотная бумага, с шершавой поверхностью, автор подписывает книгу, делая завитушчатый росчерк на глянцево-форзаце...

– Аванс можно получить сразу после подписания договора, все расходы на поездку оплачиваются за счёт фонда, – голос в трубке, проявив стальную гибкость, выдал этот аргумент, как козырь, который невозможно крыть.

– Согласен, – хрипло ответил широко известный агиограф и краевед и подумал: “Куда-то надо ехать?”

– Тогда завтра в десять утра у вас встреча с напарником, заодно подпишете договор и получите аванс. Зовут его Кара-Борис, да... просто Борис, в руках у него будет журнал “Огонёк”. Ха-ха. Кафе “Субмарина” в парке, на углу Пролетарской и Воскресенской, знаете? Break a leg!¹, – с бархата голоса в трубку посыпались стеклянные сказы адвокатского смеха, а вслед за ним – гудки.

¹ Желаю удачи (англ., сленг.)

“Юльке кольцо куплю”, – подумал Денис и аккуратное золотое колечко с четырьмя крохотными изумрудами, выложенными крестом, незримо легло поверх стопки фолиантов с авторством историка и писателя Теплоструева.

“Субмарина” имела статус «особого места», которое обязательно присутствует в любом провинциальном городке, где влюблённые парочки пили кофе, сок, а иногда и пиво, просиживая часами на живописной веранде. Сводить девушку в “Субмарину” означало признать за ней официальный статус “девушки”. Находилась кафе на задворках городского парка и имело обширную веранду, увитую хмелем.

На следующий день, утром, Денис безнадежно опаздывал на встречу с “напарником”, неким Борисом, но вовсе не из-за невежливости или рассеянности. Напротив, он вышел из дома заранее, походил немного по аллеям парка, пока ноги сами не вынесли его на боковую улицу с низкими кривыми строениями начала двадцатого века с претензией на купеческий модерн, между которыми лежала презрительно-гордая туша алкогольного маркета “Жесть и стекло”, обитая кроваво-красным сайдингом. Перед магазином, на асфальтовом пяточке образовалась лужа, сохранявшая правильные округлые очертания вопреки всем законам гидродинамики. Дверь магазина открылась, и из него на белый свет шагнул мужичок, обычный, не приметный. Он остановился на несколько секунд, оценивая, каков же сегодня уровень всемирного тяготения (а он был велик и гнул головы прохожих к земле) и несмело шагнул. В лужу. Осознав ошибку, неуклюже разворачиваясь, мужик занёс ногу на спасительный сухой порог магазина, но не удержался и с размаху сел. В лужу. Подумал секунду и лёг туда целиком, вольготно раскинув руки и утопив затылок в мутной воде, нецензурно подсадовав небесам о тяготах жизни. Сэр Ньютон был прав, яблоко от яблони не далеко падает.

Денис стоял на противоположном тротуаре и увлечённо наблюдал за дальнейшими событиями. Две женщины прошли мимо: слишком грязный. Работяга с батоном в руке покачал головой, но пошёл по своим делам: спешу. Девушка в джинсах и кроссовках остановилась и оценила: не поднять, в два раза меня тяжелее. Лысоватый человек с кейсом торопливо перешёл на другую сторону улицы: алкаш эдакий! Два бича, уверенно перешагнув руку лежащего, проследовали за пивом: отдыхай, братан, мы скоро!

Тем временем на часах было уже 9-45. Денис замер на мгновение, не зная, что предпринять. Пьяный мужчина лет сорока пяти лежал в грязной воде на асфальте пред магазином и ждал патруля. Ничего особенного, если бы не одно обстоятельство. На лежавшем в луже, упившемся до беспамятства мужике была точно такая же холщовая куртка, как на Денисе. Заметив это странное совпадение, молодой человек испытал чувство удивления, смешанное с жалостью и странным, трогательным отвращением, будто он сам вот так валялся, где попало, и сам же смотрел на себя со стороны, не зная, что делать.

Ну, было. Один раз всего. Отмечали с друзьями институтский экватор и, перебрав с непривычки какого-то британского пойла, Денис вышел на улицу из кафе. Голова существовала отдельно от остальных членов тела и была кристально чистой. А ноги, сделав несколько шагов вперёд, вынесли его на клумбу с городскими блёклыми цветами, и он упал ничком, раскинув руки в полёте, как лебедь крылья...

Денис быстро перешёл дорогу и подошёл к луже: надо было выудить бедолагу и не испачкаться самому. Потом вызвать мотор, уговорить таксиста отвести грязного клиента, соблазнив двойной оплатой и пригрозив карами небесными за игнорирование бедственного положения ближнего, такого пьяного и по-младенчески незащитного. В кармане куртки у мужика обнаружилась ещё полная плоская фляжка какого-то командирского коньяка, послужившая дополнительным аргументом в торге с водителем.

Всё. На часах 10-10.

В несколько больших шагов, напомиравших прыжки, Денис преодолел расстояние до парка. Ещё рывок и он у дверей “Субмарины”. 10-14. Отдышаться, оглядеться и – внутрь. 10-15.

10-55. За шатким столиком в “Подводной лодке” сидели Денис, допивавший третью чашку чая, и его собеседник, представившийся Борисом Караваевым, перед которым стоял ряд кофейных чашек. Его мужественное, но несколько оплывшее лицо с потухшими зелёными глазами, и широкие плечи, расслабленная манера вести беседу и быстрая ещё реакция, выдавали в нём бывшего военного.

Борис изложил суть предприятия, передал Теплоструеву умилительно пухлый конверт с авансом (если предприятие не выгорит, то можно не возвращать) и банковскую карту с небольшой, но адекватно круглой суммой на дорожные расходы. Рядом с блюдами на столе лежали два чёрно-белых фото, распечатанных на принтере в формате А4. На одном из них была группа из семи человек, запечатлённых на фоне дверей небольшого, явно сельского храма: трое мужчин в первом ряду, две женщины и мальчик – во втором. На переднем плане присел, так что в кадр попали только голова и плечи, некий юноша. Второе фото представляло собой сильно увеличенный фрагмент первого, выхватывающий одну единственную деталь группового фото.

Оказалось, «напарник» работал в охранном предприятии Кобецкого, но не рядовым охранником, а специалистом по решению проблем. Да не простых проблем, и не силовым путём, не подумайте, чего, а проблем хитрых, требующих расследования с применением смекалки. Что-то вроде нелегального частного детектива, подумал Денис, переваривая информацию. Помощь же Дениса, как специалиста-краеоведа, необходима для розыска и правильной идентификации артефакта, изображённого на втором, крупном фото.

– Всё, вроде, просто, но концы утеряны, – заключил свой рассказ Борис и подозвал официантку. – Хватит хлестать чай, пора переходить на кофе! Тебе что, капучино?

Через несколько минут Денис разглядывал фотографии и отхлёбывая горячий растворимый кофе с добавлением взбитых сливок из баллончика. Официантка, ставя чашку на стол жеманно сказала: «Ваше капучино».

Раньше, действительно, он пил только чай.

– А как ваше отчество? – поинтересовался Денис у собеседника, желая общаться в вежливой манере.

– Да ты что, какое ещё отчество? – последовал ответ.

Борис, не смотря на разницу в возрасте, тут же потребовал от Теплоструева, чтобы он называл его на «ты» и по имени, и, вообще, держался просто и без интеллигентских понтов.

– Давай внимательно посмотрим на первый снимок, – сказал Борис. – Он ключевой для нас. Что мы видим?

В центре кадра, окружённый со всех сторон учениками и ученицами, стоял высокий широкоплечий пожилой священник, ростом с хорошего гренадёра и с окладистой белой бородой. Иконописный лик старца, смотрящего в камеру с небольшим прищуром весёлых глаз, обрамлённых широкими бровями, приковывал внимание сразу и бесповоротно. Старец был в светлом хлопковом подряснике и летней скуфейке. В правой руке он держал средних размеров крест, немного засвеченный на негативе выглянувшим весенним солнцем. Над головой священника карандашом было написано “О. Павел”. Расположенные вокруг люди чем-то напоминали опешивших апостолов вокруг фигуры светозарно преобразившегося Спасителя.

Справа на фото расположился средних лет монах в мантии и низком клобуке, сидящий в инвалидной коляске. Лицо его, худое, болезненное, с неопрятной кудлатой бородой, скрытое тенью, было снято в анфас. Глаза монаха смотрели в землю, руки были сложены на коленях. Карандашом на листе прямо поверх клобука было выведено “о. Мартирий”, зачёркнуто и приписано “Мартирий”.

Третья мужская фигура, та, что слева от центра на фото, была развёрнута в сторону старца. Стоящий коренастый молодой человек с несколькими волосинками на улыбающемся лице имитирующими бородку, в чёрном подряснике, но с непокрытой головой, держал в руках высокий обливной кулич, с воткнутой в него свечой. У юноши было смуглое глянцевое лицо, выпуклые глаза и надменно-виноватый вид. Над головой его красовался, нарисованный всё той же рукой, жирный знак вопроса.

В промежутках между мужчинами из первого ряда виднелись две женские фигуры. Та, что правее, была в глухом тёмном платье и белой косынке, завязанной по-крестьянски. Она имела смутно знакомые Денису черты лица, возможно, он уже видел её на архивных фото. Надписей рядом с ней не было. За головой отца Павла виднелась остроносая мордочка лупо-глазого паренька лет четырнадцати с виду. Тоже без подписи.

Женщина слева на фото, была примерно того же возраста, что и первая, но одета была по-монашески. На ней были клобук, мантия, в руках она держала чётки. Надпись рядом с ней гласила: “м. Надежда”.

На переднем плане присел, удивлённо смотря в камеру, худой паренёк лет двадцати, в роговых очках и мешковатой куртке. Надпись гласила: “Иван Паравикин”.

Денис сразу узнал на фотографии иеромонаха Павла Янова, жившего в Лесном Озере и служившего в местном храме в семидесятые-восемидесятые годы двадцатого века. Этот человек вызывал большой интерес историков и краеведов, а здешними верующими почитался за подвижника и старца. В архиве Теплоструева было два десятка фотографий отца Павла, но именно такой – не было.

Также узнал Денис и крест, который был в руке Лесноозёрского настоятеля. Этот же крест, сильно увеличенный, был и на втором фото. На оборотной стороне листа была надпись карандашом: “Светлая Седмица. 2000 год”.

– А причём тут Кобецкий? – без обиняков спросил Теплоструев своего собеседника, недоумевая, какая связь может быть между людьми на фотографии и удачливым зарецким бизнесменом.

– Всё что я скажу – конфиденциально, – предупредил Борис.

Рыхлая девица с отрешённым лицом принесла тосты, чай и омлет. Денис, никогда не страдавший отсутствием аппетита, но всегда испытывавший недостаток денег, рьяно принялся за еду, слушая Бориса и вставляя реплики.

– Кобецкого интересует этот самый крест. А вот и он, на второй фотографии, крупно.

– Тимофеев крест, – кивнул с набитым ртом историк.

– Да. И с этим крестом он как-то где-то пересекался уже, давно. Подробностей я не знаю. Вот только не верил тогда Кобецкий ни в белое, ни в чёрное, как и я, и вся эта церковная ахиня шла мимо него. А теперь он, типа, уверовал...

– Типа или уверовал? – саркастически спросил Теплоструев.

– Вот потому, что крест считается в определённых кругах чудотворным, Николай Иванович его и ищет, – Борис проигнорировал вопрос. – Интерес его простой. Внучка сильно болеет, и он собирается её исцелить. Именно так он и сказал: исцелить, а не вылечить. Он прочёл твою заметку в газете о чудесном исцелении от креста дочери купца Чаботырова и теперь ему кажется, что случаи Меланьи и его внучки совершенно одинаковые.

Услышав странную повесть о Николоне, жаждущем чуда, Денис не удивился. Он только задумался: хоть что-то есть в этой истории от правды? Рассказывать никому ничего нельзя, но спросить-то можно?

– Ты знаешь кто такой Кобецкий? Вор в законе? – Денис вышел из кафе и набрал Юльку по мобильному телефону. Его девушка, Юля Пьянова, училась на филфаке и подрабатывала написанием колонок об огородничестве, домашних животных и рукоделии в редакциях обеих

Зарецких газет, поэтому владела информацией на самые разные темы городской жизни. Вчера вечером она вернулась в родной город: часть практики проходило в местной газете.

– Никакой он не вор, это не так: в тюрьме он не сидел, – Юля с готовностью поделилась редакционными слухами, которыми журналисты всегда располагают, но не всегда публикуют. – Он бывший фарцовщик, цеховик, кооперативщик. Да, жёстко отстаивал свои интересы в девяностые. Насколько жёстко? *Quantum satis*². В начале нулевых занимался безакцизной водкой, бадяжил спирт в промышленных масштабах, разбогател по-настоящему в начале нулевых, когда взял в бизнес местных силовиков со связями в области. Конечно, участвовал в разборках, кормил косяк местных депутатов и даже одного областного, спонсировал главу города, точнее трёх глав, последовательно. В середине нулевых избрался в городскую Думу Зарецка, был заместителем председателя. Сейчас легально владеет сетью автомастерских, мясными лавками “Теремок”, держит оптовую торговлю птицей и яйцами в семи районах области и Зарецке. В областном центре ему принадлежат спортивный зал, автозаправки, водочный склад с магазином. Ресторан “Субмарина” в нашем парке – тоже его. Кто говорит, что он жесток, а кто – что склонен к сентиментальности. Но, точно, не чуждается благотворительности. Вот тот же фонд “Забытые святыни” или детские рождественские утренники с раздачей «Сникерсов»! В последнее время он безвылазно живёт в Подмосковье.

– А что за история с его внучкой? – поинтересовался Денис.

– Ну, – Юлька на секунду замолчала. – Эта тема сугубо медицинская, врачебная тайна и всё такое.

– Мне очень надо, это по работе.

– По работе? – удивлённо отозвалась Юля, припоминая, что может иметь в виду Денис. – У неё, по мнению врачей, чистая психиатрия. Вялотекущая шизофрения с суицидальными попытками, как-то так. В окно вылететь хотела, с третьего этажа своего особняка. Так говорят, я не проверяла. Но Кобецкий эту болезнь не хочет признавать. Внучка у него свет в окне, он её воспитывает с пелёнок, всячески балует, оберегает, в Ниццу на всё лето отвозит. Тебе-то она зачем?

– Кобецкий просит с историческими изысканиями помочь, – ответил Денис невпопад и пощупал конверт во внутреннем кармане куртки, затем достал и поднёс к глазам “Визу” с олимпийской символикой. – Работу через Фонд предлагает.

“Если всё получится, обвенчаемся и заживём” – подумал Денис, вспоминая, как Юлька смешно тербит свой нос, когда задумывается, и как трогательно и беспомощно поправляет очки в тонкой золотистой оправе или смотрит на маленькие недорогие часики, единственный его подарок, кроме цветов, на который у него хватило денег за долгие два года знакомства.

– ... и отчитывали эту Варю три раза какие-то популярные старцы средних лет, да разве при шизофрении есть смысл отчитывать, – в сознание Дениса ворвался голос из трубки. Юлька, оказывается, продолжала рассказывать. – Ты где там? Уснул?

– Варя? Что за...

– Варвара. Так зовут внучку Кобецкого. Сам он в религию ударился. То йоги какие-то у него замечены были, то герои Шамбалы. Теперь он православный. Валаам, Дивеево, Оранки... ездит по святым местам, живёт в ВИП-номерах, оставляет большие пожертвования. На его деньги сейчас начато восстановление Зарецкого Предтеченского монастыря.

– Да, что-то такое я слышал.

– Сам Кобецкий жизненные устои не поменял, он всё так же замешан в массе серых сделок и операций, но благотворит на широкую ногу. “Приобретайте друзей богатством неправедным», так сказал ему наш соборный настоятель, глубокий знаток страстей человеческих и бывший полковник УФСИН. А Никулоне это понравилось!

² Сколько необходимо (лат.)

– Очередная попытка откупится от совести, – не удержался Денис.

– А что за работа у тебя? – неожиданно уточнила Юлька, как все женщины параллельно думавшая сразу две мысли.

– С элементом секретности, но по окончании всё расскажу, обмоем, – не без тайной гордости сообщил Теплоструев. – Уже завтра утром я уезжаю в вояж по историческим местам в рамках сего предприятия. Попью сегодня вечером пива с рыбой в парке?

– О, на радикальный гламур потянуло? – ответила Юля и засмеялась своим тихим грудным смехом, от которого у Дениса всякий раз запотевали очки. – У меня тоже новостей полно. Не у тебя одного секреты имеются. Такие интересные события уже два месяца как происходят! Но давай уж не на природе под кустиком, найди что-нибудь попримечнее, ведь, считай, дней десять не виделись, конспиратор!

– Тогда в шесть, в “Субмарине”. Аванс требует обмыва! – торжественно заключил Теплоструев.

Но вернувшись в кафе, гордый кавалер узнал, что планы на вечер у него теперь другие. Пришлось звонить Юле, сильно извиняться и удивить её тем, что в семь часов его ждёт к себе Кобецкий, желая лично осветить некоторые обстоятельства дела. Но на следующее утро Денис отбыл в своё путешествие, потом Юля уехала в областной центр, сдавать практику в Университете, и увиделись они только через неделю.

...В Заречке Николаю Ивановичу принадлежали два особняка. Один из них, построенный в начале девяностых, стоял на самом высоком месте Угольной горки. Из его окон открывался великолепный вид на серебристые воды Летки и панораму обширных заливных лугов противоположного берега, переходящих в рощи и леса. Нелепый громоздкий дом с трёх этажей с башней для телескопа и мавританскими окнами стал символом безвкусицы и памятником, ушедшему бандитскому десятилетию. После случая с Варварой, чуть не выпавшей из окна башни, Кобецкий перестал там появляться.

Второй дом, в стиле палладинского классицизма, был выстроен совсем недавно, в непосредственной близости от храма в селе Лебединском, на заповедных землях, невесть каким образом выделенных под строительство. Именно в нём Кобецкий останавливался во время своих нередких приездов в родной город. Новая вилла была не велика, но в её отделке принимали участие ведущие архитекторы и дизайнеры. Вокруг, на полу гектаре земли, был разбит классический регулярный парк с фонтаном, прудом и конюшней. Новый “барский дом” удивительным образом гармонировал с местностью и перекликался со стоящим на пригорке бывшим особняком господ Пьяновых, в котором располагались сельский фельдшерский пункт, библиотека, клуб, почта, две парикмахерских, магазин всякой всячины и ещё какие-то мастерские. Парк при старом доме был уныл и запущен, являя собой образчик постсоветского запустения. Кирпичная ограда, подновлявшаяся последний раз в восьмидесятые годы, почти разрушилась. Тем не менее, с маниакальным упорством её продолжали красить к каждому Дню Победы в ядовито-красный цвет, замазывая все неровности и выщерблины. Вытопанные дорожки, замусоренные газоны с клумбами из побеленных крышек усиливали ощущение безвременья в бывшей усадьбе. И если бы нашёлся какой-нибудь местный захудалый Иеремия, могущий оплакать руины, картина была бы гораздо полнее.

Ровно в 18-30 к дому Дениса подъехала машина от Кобецкого, на которой он и отправился Лебединское. Через Новый мост, построенный в начале восьмидесятых, ехать было не более семи километров. Роскошный автомобиль без шильдиков и с наглухо тонированными стёклами беззвучно скользил по шерботому асфальту, без усилий проглатывая выбоины. С ветерком промчались по деревне до церкви, распугивая кур, и свернули влево, в переулок, в конце которого стоял дом Кобецкого в окружении стройных рядов самшитов, можжевельников и голубых елей.

Оглядываясь с неподдельным восхищением, Денис, в сопровождении пожилого молчаливого водителя, прошёл через парк ко главному входу, обрамлённому колоннами. По дому его вёл уже другой вергилий, такой же молчаливый старикан, только маленький и толстый. И всё же в доме было что-то такое, что создавало впечатление картонного аристократизма и нелепых потуг на врождённое благородство. словно в величественно-мрачный замок рыцаря-императора вселился купец третьей гильдии и слегка “улучшил” его, привнеся с собой едва заметные штрихи ямщицкого шика и торгашеской роскоши.

– Прошу, – сказал провожатый и открыл высокие двери в один из залов. Денис шагнул внутрь.

Сухой подтянутый старик с мутными глазами и узловатыми пальцами сидел на бежевом кожаном диване в окружении двух лупоглазых престарелых мопсов, окрас которых был подобран в тон обивке. Или наоборот. одет он был в голубые молодёжные джинсы, неоновосиние мокасины “Прада” на босу ногу и серую рубашку типа “Оксфорд” на выпуск. Довершала образ бандана с колумбийским флагом, лихо повязанная поверх лысого лба. Несмотря на актуальный лук, Николай Иванович был похож то ли на мелкого партийного работника времён упадка, то ли на вороватого приказчика из скобяной лавки эпохи Николая Первого, но ни как на среднекрупного бизнесмена двадцать первого века.

На двух креслах вокруг пушистого ковра серо-зелёного цвета сидели Борис и худая, спортивного вида остроносая женщина лет сорока в свето-сиреневой летней тройке и узких золотых очках. Между ними стояло пустующее кресло, в которое и сел Денис, пожав руку Борису.

– Знакомься, Денис, это Маргарита Генриховна, мой юрист и ангел-хранитель, – сказал Николёня, поправляя бандану. Сам он не представился и не поздоровался.

– Это я звонила, – растянув нижнюю губу в розовую нитку (верхняя при этом исчезла вовсе), улыбнулась адвокатесса, отчего её нос заострился до состояния боеголовки. – Чаю?

– Что? – Растерялся Теплоструев. – Да, конечно.

Маргарита Генриховна помахала кому-то в углу зала и тотчас перед каждым из сидящих появилось по маленькому выкатному столику с чайной парой и горочкой крошечных сахарных печений. Пожилая горничная (ну ни одного молодого лица среди прислуги!) в шотландской юбке с белым передником разлила довольно крепкий чёрный чай по чашкам и удалилась через боковую дверь.

– Денис, – серьёзно сказал Николай Иванович. – Дело вам с Борисом поручается большое. Для меня – очень важное. Я хочу тебе рассказать кое-что, может пригодиться. Да хоть для истории.

– Я с удовольствием выслушаю, – Теплоструев отхлебнул чай и почтительно кивнул головой.

– Было это году в пятьдесят пятом, или пятьдесят шестом. Нет, в пятьдесят пятом! Анна Фёдоровна, физичка наша, сообщила ещё, что Эйнштейн умер, хотя нам всё до фени было. Она нас за мукомолов держала, а мы и не дрыгались. Как подсядет на уши со своей физикой, мама не горюй! Мне тогда только шестнадцать годков стукнуло, и был я знаменитый по Зарецку хулиган. В табло любому мог заехать, держал, значит, марку. А Мишка Трунов был мой лучший корефан.

Николёня вынул из палисандрового хьюмидора толстый “черчилль” шоколадных тонов, сорвал упаковку, покрутил в пальцах и бросил назад в ящик. Его пацанская речь так резко контрастировала с дорогой обстановкой, бронзой и сигарами, что вызывала невольное восхищение у слушателей.

– Мы, дети бараков, и коммуналки, голодное военное поколение, да что мы видели хорошего? – неожиданно перешёл на патетический стиль Николёня, обнаруживая совсем другую сторону личности. Понятно, подумал Денис, человек-то не глупый и язык подвешен.

– Ничего, – зачем-то ответил Теплоструев, хотя вопрос был риторический. Хозяин ухмыльнулся.

– Мы – послевоенные пацаны-босяки, а кругом разруха. Вокруг страх и веселье, тупость и взаимовыручка, менты и вседозволенность. Я – безотцовщина. Отец без вести пропал в сорок втором. Я его и не помню совсем. Несколько карточек осталось, там мама молодая. А в пятьдесят пятом уже как старушка... Вот она картина детства: кругом пьянство, заборы покосились, бухие слюнявые инвалиды, чёрный дым из трубы, угольным порошком топили. Жирный воздух коммуналок, всегда пахнет прокисшими щами. Детство, говорят, всегда весело. Ничуть не весело мне было, я и вспоминать не хочу. А помнится всегда одно и то же. И не смерть Вождя, даже не угоревший в бане пьяный Никифорыч, он ханыжник тот ещё был, растворитель пил! А помню я чувство хлеба, особенно по первым послевоенным годам. Странное и очень-очень злое чувство. И это не голод, нет. Голод он только первое время в тебе живёт, а потом он тихо уходит и уступает место какому-то ползучему серому туману, заполняющему голову. И в этой туманной дымке, вдалеке, только одно видение – на белом столе краюха чёрного хлеба с солью. И ты её не видишь даже, а чувствуешь всем нутром, словно волк добычу.

Денис замер с печеньем в руке, поднесённым ко рту и не смел откусить. Борис молчал, опустив глаза. Только Маргарита Генриховна с равнодушным видом пила из тонкой фарфоровой чашки, держа её двумя пальцами за ручку.

– Чувствуешь этот хлеб так ясно... – продолжил хозяин. – Так отчётливо, словно в руки его взял и укусил уже, и он теперь – часть тебя. Такое вот предхлебное чувство, сродни помещательству. И ещё казалось, что как только хлеба будет вдоволь, сразу всё станет по-другому. Не что-то конкретное, а всё. Вот взойдёт это каравай-солнце над землёй, и мы станем другими, мир изменится. Может и драться стенка на стенку не нужно будет, да воровать и напиваться незачем станет. Да и как тут не стать другим, как не преобразиться, когда на тебя сверху зорко эдакий хлеб небесный смотрит!

Денис бесшумно откусил кусочек печенья и принялся жевать. Горничная не торопливо разнесла шоколадные конфеты и цукаты. Она же увела собак гулять и те пошли за ней, похрюкивая и шумно сопя. Хозяин же продолжил рассказ.

– Я рос без отца, а Мишка – без матери. Отец его, бухгалтер на МТФ, добрейший был человек и горький пьяница. В сорок пятом и сорок шестом, в Германии, сторожил цистерны со спиртом, вот и пристрастился. А как мать Мишкина в сорок девятом умерла, стал пить ежедневно, иногда и по-чёрному запивал, до зелёных анчибелов. Мишка был с виду тихий, не многословный, но это только первое впечатление. Он упрямый очень, а если разозлится, совсем с катушек съезжал, страшный становился, ударить мог. Отца поколачивал. Я его “дёрганый” звал. А некоторые даже дружка моего сумасшедшим считали, стороной обходили. Ну, в шестнадцать лет нас со школы погнали, за поведение. Я конечно заводной был, бедовый, но учился без двоек, читал с охотой. Меня без экзаменов приняли в железнодорожное училище, на путейца, стипендию платили, я самостоятельным стал. Кормили, опять же, уже не плохо. Мишка тоже голову имел светлую, химию любил. За два месяца выучил, что положено и поступил в фармацевтическое училище. Вот летом пятьдесят шестого, или пятьдесят пятого, это и произошло. Втроём мы пошли на речку, где Лесное Озеро. Хоть и не близко это, но там пляж песчаный и берег ровный, молодёжь там околачивалась летом. Я, Мишка и Костян Выксин с нами. Бутылку дёгтя купили у старухи Ярушкиной, только она школьникам самогон продавала, сигарет ещё у шоферов настреляли. Тряхнули двух малолеток на мелочь по дороге, дыню ферганскую прикупили. Девоч звали с педухи, помять-пошпечать их хотели, да они не пошли.

Хозяин особняком тускло улыбнулся, растягивая необычно глубокие морщины между скулами, носом и верхней губой, словно выдолбленные теслой скульптура. Потом он поскоблил довольно редкую седую щетину на лице, которая перешла эстетическую грань и постоянно чесалась.

– Вот, отращиваю. Благодать сокрыта в бороде, как в волосах Самсона, так говорит наш отец Василий, – немного оправдываясь, заметил Николюня.

Денис слушал внимательно, не заметно для себя глотая одно печенье за другим. Кажется, Николюня ударился в старческие воспоминания, никому не интересные и ни к чему не ведущие, но историк чувствовал, что скоро начнётся что-то важное и любопытное. Прошлёпала горничная с очередной дозой печенья и орехов для прожорливого гостя. Через пару минут хозяин продолжил рассказ.

– Расположились мы на песочке, друганы по жизни, стаканы вынули, накатили, повторили, закурили. Солнце вышло, припекло. Эх... Но нам что-то не весело. За жисть перетёрли. Только по третьему набулькали, приходят на берег три гребня нашего возраста с подругами. Холёные такие самцы, розовые. Рубашки белые, глаженные. Девки дородные такие, завитые, щекастые, всё смеются, толкаются. Одна особенно красивая, волосы до пояса, гребешок в волосах перламутровый, за ручку своего кузю держит, а он ей на уши подсел, бу-бу-бу, в глаза заглядывает. Любовь, значит, у них. Вот они плед расстелили, харчи разложили. Ну, бублики там, лимонад в бутылках, конфеты какие-то. Тыры-пыры, сидят, едят, смеются. И мы, глядя на такой праздник жизни, выпили молча, как на похоронах и не хрена не смешно нам. И каждый думает: почему? Почему я тут на мятой газетке, в грязном пиджачишке самогон пью, а не на пледе шерстяном с подругой обнимаюсь? Как такая несправедливость в мире возможна, и кто за это ответит? Один ушлёпок, толстый, рыжий, в проволочных очёчках, встал на колени на пледе и давай своей подруге, такой же очкастой, как и он, читать стихи. Поклонился так картинно, смешно выло, он же на коленях стоял, будто земной поклон отвечивал и начал: “Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...” Я это стихотворение слышал, училка в классе читала. Прочёл и опять кланяется. Девка его, губастая, мордастая, руки полные такие, в веснушках, уже веночек сплела и на голову этому чижику возложила. Мишка посмотрел на это дело хмуро так, выругался и отвернулся. Мы закурили, хмель как рукой сняло от негодования. Третий парнишка, самый тихий с виду, маленький, хромал ещё на левую ногу, вдруг встал и подошёл к нам. “Не могли бы вы не выражаться при дамах и не курить?” Так он и сказал. Даже мы с Костяном такой борзости не ожидали. А Михась поднимается во весь рост и смотрит на наглеца безумными круглыми глазами. Костян мне шепчет: “Это заведующей РОНО сын, я его знаю, тут жиганить запахло”. Но поздно, за минуту Мишка и тот, хромой, уже дошли до полного непонимания, Михась на мат перешёл, а этот роношник всё его утихомирить пытается, но держится смело и не отступает. Вся компания на пледе замолчала и в нашу сторону смотрит...

Николюня вновь взял в пальцы сигару и начал вращать её быстро и умело. Видно было, что он волнуется, дойдя до важного момента повествования. Денис, понятия не имевший, кто такие Костян с Мишкой, да и впервые видевший самого рассказчика, тем не менее, уже сопереживал происходившему в далёком то ли пятьдесят пятом, то ли пятьдесят шестом году.

– Что, драка была? – Денис прервал затянувшееся молчание рассказчика догадкой.

– Драка? – удивлённо переспросил Николюня. – Нет, драки не было. Драки в девяносто первом были, да в девяносто третьем немного, вот это драки, махались знатно. Хромоногий, Витька его звали, толкнул слегка в грудь Михася. А тот уже в прострацию впал и в долю секунды, так что мы не успели опомниться, нагнулся, вынул ножик из дыни и в живот этому рыжему воткнул. Витька за живот схватился, а на белой рубахе кровь выступила. Никто ничего понять не может! А с нашего пледа вообще не видать было, что происходит, поскольку их товарищ спиной стоял... Ну, как разобрались, крики, визг, народ сбежался!

Николай Иванович, наконец, обрезал кончик сигары и стал её раскуривать, громко пыхтя и отплёвываясь. Маргарита Генриховна сделала условный знак и на столик рядом с хьюмидором горничная поставила широкий стакан с ржано-соломенного цвета жидкостью, наверное, виски.

– Ножик-то хиленький был, перочинный, даже до брюшины не достал, – тут Николюня очень глубоко и сосредоточенно затянулся сигарой. – Мишка нож в воду бросил... Сел на берег, голову обхватил руками и сидит, не шелохнувшись. Я к нему подхожу, толкаю, а он как каменный. Потом поднимает на меня глаза. Да, тут я ещё больше удивился. Никогда у человека такого взгляда не видел. Главное, страха там не было. Больше потрясение и тоска, тоска ... И ещё что-то такое, что я назвать не могу.

Он разогнал дым рукой и продолжил:

– Мишу не посадили, хотя это уголовка, да и мать Витькина истерила как будто её сыночка на куски порезали. Несовершеннолетний, лёгкие телесные, не лютовали прокуроры почему-то. Отправили его в исправительный интернат для трудных подростков. Через полтора года он вернулся, потом училище закончил. Отец его заболел тяжело, рука перестала работать. Мишка в Лебединское в аптеку помощником фармацевта устроился, за отцом ухаживал. Компания наша распалась, и чем он жил я не знал. А потом отец его умер, в шестьдесят шестом и Мишка уволился из аптеки и уехал куда-то. Пропал. Никто в городе не знал, куда он подался, да чем занимается... Денис, ты спросишь, зачем я всё это рассказываю?

– Спрошу, – смиренно кивнул Теплоструев.

– В семьдесят первом открылась церковь в Лесном Озере, приехал туда с Кавказа один монах, Павел звали.

– Иеросхимонах Павел Яснов, – уточнил Денис. – Отшельничал в Абхазии, служил в Сухуми, Телави и Тбилиси.

– Ну да, ты знаешь. А через несколько лет...

– В восемьдесят первом? – осторожно спросил историк.

– Да, похоже на то, я как раз пошивочный цех в старом бабкином доме открыл, батники шили, по области возили...

– Фамилия вашего друга Миши часом не Трунов была? – Денис теперь ясно понял смысл рассказанной истории.

– Догадался, молодец! – Николюня поискал глазами, куда деть пепел и стряхнул его в чашку с чаем. Горничная с запозданием зашаркала за пепельницей.

– Та-ак... а крест-то вы видели?

– Несколько раз видел, но давно, ещё в начале девяностых. Тогда мода на религию пошла, и я к Мишке, ну, к Мартирию, ездил на службы молился, чтобы дела шли гладко, и чтобы не грохнули в разборках. Но бизнес утянул меня в столицу, больше мы не виделись. А потом он умер.

– В две тысячи девятом, – подсказал Денис.

– Да. Сердце на Кавказе подорвал, ревматизмом страдал, порок развился.

– А я в детстве несколько раз с матерью был на службе в Лесном Озере, но отец Мартирий не служил тогда. Народ к нему в келью в очереди стоял, помню. Но лично с ним я не познакомился, мал был совсем.

Николюня уже не слушал; он, думая о чём-то грустном и высоком, поднял стакан с двадцатилетним виски и выпил одним глотком.

Уже в парке, провожая гостей, Маргарита Генриховна, оценивающе оглядывая Дениса, добавила:

– Николай Иванович на вас, молодой человек, очень рассчитывает. Понимаете, он вам, хоть открыл некоторые факты, исповедоваться не собирается, так я от себя скажу. Внушке своей он хочет передать управление своим бизнесом, поскольку кроме неё у него никого нет. Мать Варина давно свою долю получила и в Испании живёт, замуж там вышла за тренера по фитнесу... в четвёртый раз. В России не бывает, только по Скайпу общается. Сюда никогда не вернётся, так сама говорит. Встречается с отцом только в Европе – в Мадриде, Сан-Себастьяне,

Париже. Но кому передать дело? Бизнес-то у шефа очень серьёзный, а тут такое. Вы понимаете?

– Я понимаю. Только гарантий на чудо никто не даёт! – развёл руками Денис.

– Вы так не вздумайте при Николае Ивановиче сказать! И вообще, это не ваша забота. Крест найдёте, адрес его нахождения сообщите, расчёт получите и наслаждайтесь жизнью. Вообще, шефа лучше не злить... Нет, никаких угроз. Это я просто предупреждаю! А добро он помнит и добром всегда платит с хорошими процентами. Вы же видели горничную? Что, думаете, это просто change of расе, жизненное разнообразие, и нельзя молодую да задастую нанять, а? Но Тётя Наташа в его первом цеху левайсы шила, от ментов натерпелась на полную катушку, но не сдала ни разу! А сторожа, дворецкие? Чучук с Порошиным в подпольной автомастерской – охрана, работали с конца восьмидесятых, а в девяностые все разборки прошли. Раненые да резанные все! А Николай Иванович им платит достойно и детям помогает. А Мария Трофимовна, к примеру, буфетчица. Так ей и вовсе семьдесят лет в обед. Так Кобецкий у неё два сарая для розлива «Амаретто» снимал. Тётя Маша – глыба, а не человек, секретность полная, милиция с руки ела! Всю жизнь со спиртом, а водки или самогона ни разу в жизни не пробовала, но сладкое вино для снижения давления наперсточками пьёт. Так ей шеф самый дорогой патриарший кагор с Афона возит.

– И вы из тех? – бестактно поинтересовался Денис.

– Я, мой юный друг Stanford Law School закончила, так что, keep the warning under your belt³!

– А-а-а, – удивлённо протянул историк.

– Хе-хе, Маргариту Генриховну даже я побаиваюсь, всё-таки чёрный пояс по тхеквандо и значок мастера спорта по стендовой стрельбе, – засмеялся Борис. – К тому же прямой потомок Тотлебенов, типа, голубая кровь.

– Надеюсь, мы друг друга поняли, – выпускница Стэнфорда вновь заострила носик и растянула губы, всем своим видом показывая, что разговор окончен, и пора заняться делом.

– Всё он понял! – ответил за Теплоструева Борис.

– А ты проследи, – сверкнула очками в опустившихся на усадьбу сумерках адвокатесса. Автомобиль у ворот с престарелым водителем в несвежей белой рубашке и дешёвом полиэстеровом пиджаке уже ждал, чтобы отвезти Дениса домой. Борис сел рядом на заднее сиденье.

– А не заехать ли нам к монахине Надежде, она единственная живёт в Лесном Озере, – предложил Денис.

– Смысла нет никакого, – отверг идею Борис. – Поверь старому разведчику. Три дня подряд к ней ездил. Фотографию сразу отдала. Про Павла рассказала, про завещание его. Что дальше? Ничего! “Матушка Вера – то, матушка Вера сё. А я знать не знаю, никому она воли своей не открыла”. Вот и весь сказ. Я и так, и эдак. Даже деньги сулил. Николюня... Николай Иванович передал ей круглую сумму. Не берёт! В храм, говорит, отнеси, мне не нужно. Даже про тех, кто на фото, ничего не выяснил. Один – Мартирий, вот про него она охотно говорит, но он умер давно. Этот сверху – отец Вассиан из Смысловки. Справа – Паравикин, профессор и реставратор, иконы собирает. Всё! Ну, Паравикина Маргарита пробила, адресок есть. А тот, что слева, спрашиваю, кто? Так она глухой прикидывается, охает, носом шмыгает, за спину держится.

– Стартуем завтра? – бодро поинтересовался Денис.

– Начнём с короткого совещания в восемь утра в “Подлодке”. Завтракаем, пьём кофе и в путь!

Борис попросил водителя остановиться у моста, крепко пожал руку Денису, словно новому напарнику, и вышел из машины.

³ Тихо молчи в тряпочку (англ., идиом.)

– Денис, я одного не пойму, – Борис сидел над листом со списком имён и адресов в той же самой “Субмарине”, напротив него Денис поглощал омлет с пармезаном.

– Вот везёт! – воскликнул с набитым ртом Теплоструев.

– Что?

– Только одно ему не понятно! А я вот вообще ничего не понимаю!

– Чудак, ты в сказки про вечную жизнь веришь, потому ничего и не понимаешь, – ухмыльнулся Караваев. Он пил третью чашку эспрессо, размышляя над списком необходимого в поездке и схемой примерного маршрута. – Скажи мне, зачем люди уходят в монастырь? Вот буддисты, у них свои монастыри, у христиан свои, чем они там занимаются?

– Христиане молитвой, буддисты медитацией, – с максимально кратко, чтобы не прерывать процесс поглощения завтрака, ответил Денис.

– Что молитва, что медитация, мне всё едино, – Борис пожал плечами. – Я отношусь к этим заморочкам с уважением, но и с каким-то юмором. Личное дело каждого, лишь бы ко мне не лезли. У нас две дамочки молодые из бухгалтерии медитируют с гибким бородатым учителем, так они уверяют, что могут вызвать самые волшебные образы в своём воображении! И даже ощущают сложные запахи и вкусы! Такое вообще возможно? И в чём тут секрет?

– Наверное, духовной составляющей тут нет вовсе. Сферу божественного нельзя постичь обычными чувствами, поэтому здесь всегда есть место некоей тайне. Многие святые отцы говорили о чувствах духовных. Но так это отцы! Точно можно сказать, что упоминаются и в Ветхом и Новом Заветах духовный слух и духовное зрение. Христос напрямую указывает на такой феномен. “Воню благоухания духовного” означает несомненное присутствие в арсенале благодатных даров особого “духовного нюха”. Известно, что некоторые подвижники испытывали на языке “некую сладость” во время молитвенного соединения с Утешителем, то есть, с Духом Святым. Про осязание можно сказать примерно то же самое. Но, поскольку, в основе этих явлений лежит несомненное божественное влияние на органы чувств человека, здесь сокрыта и наибольшая опасность. Мечтательное, прелестное (от слова “прельщение” или “лесть”) возбуждение чувств по гордыни и неопытности новоначальный “подвижник” может принять за благодатные дары, которые он по заслугам получает от Бога. Наиболее хорошо эта проблема – как отличить духовное от поддельного, сиречь душевного – проработана у восточных отцов-аскетов. Почитай, помогает! А западная христианская традиция в этом вопросе не сильна. Особое мнение на сей счёт у католических святых, а особенно девиц и женщин, многие из которых испытывали экстатические состояния, наподобие оргазма, во время молитвенных бдений. Естественно, любой опытный православный монах, наученный аскетике, моментально угадает в этих припадках проявление прелести духовной. То же самое с йогой. В лучшем случае – тренировка мышц таза и некоторых душевных мышц плюс самомнение в зависимости от характера адепта, не более того. Какая уж тут духовность! Я не сложно объяснил?

– Я понял. Это как пармезан. Один из Пармы, лежал несколько лет в подвале, созревал, а другой сделан на верхне-кундрючинской масложирной фабрике из пальмового масла. Но этикетка соответствующая!

– Ну, типа того. А самое главное – цели у медитации и молитвы диаметрально противоположны. Ну, медитирует человек, и что? Нервы успокаивает. Чувства раскрашивает. Поток мыслей останавливает. При чём тут блаженства, заповеди, покаяние?

– Может, равновесие ищет?

– Не знаю, может и ищет чего. Читал я Евангелие, но слова “равновесие” там не встретил. Это, наверное, в буддийской литературе есть.

– Всё равно, какая-то игра слов, тут и запутаться легко, – Борис не скрывал своего непонимания и лёгкого раздражения, вызванного этим фактом.

– Зато, какая интрига! – подтвердил Денис. – За одну букву в одном слове от церкви отлучают, в раскол уходят! Да ты сам посуди. Вот три слова на русском языке. Если их поставить в разной последовательности, получатся фразы с совершенно разным смыслом.

– Смотри. “Ты мой Бог” – это один смысл, исповедальный. “Бог ты мой” – это уже причитание. “Мой Бог – ты!”. Здесь вообще третий смысл, с оттенком кощунства.

– Словоблудие, как я и ожидал. И как после этого можно спокойно есть мацу? Или то у буддистов? – Издевательски осклабился Борис. – Давай договоримся. Крест мы ищем вместе, парень ты хваткий, но моих взглядов не касаемся. Я буду как сталкер на вашей территории. Забрал хабар и свалил.

– Ладно, проехали, – Денис расправился с завтраком и повернул к себе записи Бориса. – Нам точно известно, что с конца шестидесятых до самого последнего времени крест хранился в приходском доме в Лесном Озере. От отца Павла Яснова святыня перешла к игумену Мартирию. Тот умер в две тысячи девятом году. В приходском доме остались жить две насельницы небольшой общины, сложившейся ещё при отце Павле. До самого недавнего времени крест оставался на хранении у одной из них, монахини Веры, которая умерла в мае этого года. Запомним, что Павел перед смертью завещал, чтобы никому посторонним крест не отдавать, только своим, надёжным. А те, кто свои, тех он этим кадром специально отметил. Я всё дословно за ней записал. Эту мысль он трижды повторил и Мартирию крест передал. Исполняя завет Павла, Мартирий завещал крест Вере. Та его хранила в келье до самой смерти своей. Умерла она 16 марта этого года. Монахине Надежде Вера сказала, что про фотографию помнит, крест уйдёт в надёжные руки, как велел отец Павел. Но у самой Надежды его нет, и кому она его передала, не известно. Вот у меня есть такая хронология, составил вчера.

Денис раскрыл тетрадь, в которой были в столбик выписаны имена и даты. Борис внимательно изучил список, не забывая о кофе.

“? – До 1764 года – митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич) – г. Ростов.

1764 – 1786 – епископ Тимофей Зарецкий – Илевайский монастырь; Зарецк; Покровский скит в Лесном Озере.

1786 – 1826 – схимонах Мельхиседек (Ворокушин) – скит в Лесном Озере.

1826 – 1839 – епископ Авель (Васенин) – Покровский скит в Лесном Озере (от Зарецкого Предтечинского монастыря).

С 1842 года скит преобразован в приходской храм Покрова Богородицы при деревне Лесное Озеро.

1842 – 1914 – священники из рода Просвириных – в приходском храме Покрова Богородицы при деревне Лесное Озеро.

1914 – 1937 – иерей Александр Просвирин – приходской храм Покрова Богородицы в Лесном Озере.

1937 – 1969 – нет данных.

1969 – 1994 – иеросхимонах Павел (Яснов) – приходской храм Покрова Богородицы в Лесном Озере.

1994 – 2009 – игумен Мартирий (Трунов) – приходской храм Покрова Богородицы в Лесном Озере.

2009 – 2015 – монахиня Вера.

С мая 2015 года нахождение не известно.

У кого может быть Крест Тимофея:

– Монахиня Надежда (Яковлева) – Лесное Озеро

– Иван Самойлович Паравикин – г. Москва. Историк, археолог, реставратор, коллекционер.

– Игумен Вассиан (Голимов) – д. Смысловка, настоятель храма мученика Авенира Персидского

– Неизвестный слева на фото”.

– Значит, люди на фотографии – круг “подозреваемых”, – резюмировал Денис.

– Я выяснил, что все, кто на этом фото в течении месяца перед смертью монахини Веры у неё побывали, все говорили с ней наедине, – добавил Борис. – А некоторые неоднократно! Кроме Мартирия и Веры, все живы. Надежда отпадает, это точно, поверь старому разведчику. Иван Паравикин живёт в Москве. Мальчик на заднем плане – Васенька, так его назвала Надежда, теперь он монах и священник, живёт в ста километрах отсюда, в деревне Смысловке. Парень в рясе, тот, что слева на фото некто Сеня или Сёма. Ничего эта старуха точнее сказать не может, как я говорил, маразм её накрыл, или притворяется. Ни фамилии, ни адреса не знает.

– Начнём с Васеньки?

– Он поближе других будет, всего-то пятьдесят км от Зарецка! – поддержал Борис.

На том и порешили.

У ворот парка уже стоял автомобиль Бориса. Дорога до первой точки, деревни Смысловки, предстояла не дальняя, но надо было сразу же готовиться и к броску на Москву, где проживал реставратор Паравикин.

Денис с недоверием посмотрел на транспортное средство, приготовленное для дальней многодневной экспедиции. Старая Тойота-70 была прокачана под внедорожные рейды. Минимум удобств, максимум безопасности, вот кредо этого транспортного средства. Большие колёса с зубасто-тракторными шинами, стойки с дополнительными фонарями, рация и спутниковая связь, жёсткие пыточные сиденья первого ряда и салон без задних сидений с закреплёнными ящиками с оборудованием, внушительная bobина профессиональной лебёдки дополняли и без того суровый угловатый облик внедорожника. Внутри автомобиля была смонтирована жёсткая конструкция из труб, укрепляющая крышу, на которой висели два чёрных шлема. На раковине одного из них красовалась серебристая надпись “Kara-Boris”, выполненная готическим шрифтом.

– Ты на старушку зря косячишься, – с нотками обожания в голосе сказал Борис, похлопывая Тойоту по мощному бугелю, сваренному из двухдюймовых труб, именуемому в народе “кенгурятником”. – Она живая и всё понимает. У неё имя есть. Дочь предложила назвать её Стрикс, мне понравилось.

– Что это означает? – любопытствовал Теплоструев.

– А вот, – Борис подошёл к задней двери автомобиля, где располагалась запаска в разризованном чехле. Небольшая сова на толстой ветке зорко смотрела сквозь опустившиеся тёмно-синие сумерки на зрителя, под ней была витиеватая вязь из латинских букв, складывавшихся в слово “Strix”.

– Сова? – догадался Денис.

– Точнее, неясить. Слышал о такой?

– “Уподобихся неясити пустынной, бдех и бых яко птица, особящаяся на зде” – моментально процитировал Денис.

– Вот и дочь то же самое сказала, – сделал неопределённый жест рукой Борис. – Поехали!

– А Кара-Борис это ты, значит.

Показалось, что Борис немного смутился. Он нервно повёл плечом и сказал:

– С Афгана ещё прилепилось прозвище. Давно это было, но друзья не забывают.

Автомобиль был слишком шумным. Рельефные внедорожные колёса гудели, панели дребезжали и поскрипывали на все лады. Двигатель работал ровно, но его звук беспрепятственно проникали в салон. Боковое переднее стекло сползло от тряски, приоткрывая щель в два пальца, куда с сильным свистом врывался встречный поток воздуха. Говорить приходилось громко, с напряжением связок. Но времени на долгие остановки не было, да и Денис рад был получить хотя и своеобразно настроенного, но заинтересованного собеседника.

– Ну что ж, вводи меня в курс дела, историк, – едва тронулись, попросил Борис Теплоструева.

– Крест, который мы ищем, называется Тимофеев крест. Он связан с именем епископа Зарецкого Тимофея Короткова. Фигура очень интересная, особенно в историческом контексте: настоящий монах в архиерейской мантии. Буквально месяц назад, под редакцией некоего архимандрита Вараввы Смараглова, вышло жизнеописание епископа. Так, несколько листочков. Я его приобрёл и внимательно прочитал. Сказать, что я обалдел, мало. У меня просто нет слов!

– Что такое?

– Это фэнтезийная литература. Конёк-Горбунок какой-то! Ни ссылок, ни источников, ни подтверждений догадкам. Даты перепутаны, а некоторые факты явно относятся к другой эпохе. Но тираж! 5 тысяч экземпляров, каково!

Денис дал волю научно обоснованному негодованию. Как историк, он требовал организованного мышления и сверки всех данных даже для внутрицерковных брошюр, считая, что и малые искажения не идут на пользу сохранению правильной атмосферы в вопросе почитания подвижников. Если факт нельзя подтвердить, лучше его не публиковать. А воспоминания богобоязненных старушек, как он убедился, это отдельный жанр, в котором витиевато переплелись былины, сельский магический реализм и басня.

– Исторические архивы, переписки, частные бумаги, свидетельства и мемуары! – продолжил возмущаться Теплоструев. – Ничего не нужно, ничего. Взял перо, бумагу, пару житий, составленных в шестнадцатом, а лучше в семнадцатом веке за образец, и давай, твори, автор, жги!

– С чего обычно начинают в таких случаях? – поинтересовался Борис.

– С хронологии. И она у меня есть.

Денис достал из старого армейского планшета, с которым не расставался (подарок деда Никиты любимому внуку) лист бумаги с печатным текстом. “Достоверная хронология жизни епископа Зарецкого Тимофея, в миру Тихона Короткова, составленная Дмитрием Теплоструевым”, гласил заголовок документа. Далее шёл перечень дат и имён, достоверность которых сомнения не вызывала. Борис взял лист и, продолжая придерживать баранку левой рукой и посматривать на дорогу левым глазом, косясь, прочитал: “Родился в 1721 году в Москве. Родители: отец – Константин Васильевич Коротков – помощник провизора, мать – Неонила Викентьевна, урождённая Старостина. В детстве учился аптекарскому делу.

1745 год – окончание Коломенской семинарии.

1745 – 1750 служба в Коломенской семинарии учителем.

1750 года – поступление в Студиславльский монастырь, постриг в мантию.

1755 год – рукоположение в иеродьякона, затем в иеромонаха.

1764 год – назначение настоятелем в Илевайскую пустынь на Дону с возведением в сан игумена; вызов в Петербург для представления Екатерине.

Сентябрь 1764 года – июль 1770 года – игуменство в Илевае.

15 августа 1770 года – наречение во епископа Зарецкого в Московском Свято-Даниловом монастыре.

22 августа 1770 года – архиерейская хиротония в Успенском соборе Московского Кремля (хиротонию возглавил митрополит Московский Амвросий).

Сентябрь 1770 года – январь 1774 пребывание на Зарецкой кафедре.

Январь 1774 года – увольнение с кафедры.

Январь 1774 года – декабрь 1775 – затворничество в Лесноозёрском скиту.

Декабрь 1775 года – январь 1786 года жительство на покое в Зарецком монастыре.

Умер 3 января 1786 года”.

– Не густо, – разочарованно протянул Борис.

– Дай Бог, чтобы от нас хоть это осталось, – моментально парировал Теплоструев, пряча документ. – Зато точно.

– Откуда? – стрельнул глазами Борис на потёртый военный планшет толстой конской кожи, явно очень старый.

– Дед в войну в разведке служил.

С водительского сиденья донеслось что-то вроде уважительного “хм”.

– А теперь – то самое творение архимандрита Вараввы, – Денис извлёк на свет небольшую брошюру, изданную на толстой белёной бумаге. Сам текст жизнеописания епископа Тимофея был весьма кратким, но приложения содержали множество фотографий, подобранных как попало. Чаще всего на фото фигурировал сам автор в окружении учеников, учениц и последователей. В подписях тут и там упоминалось некое “Общество православных чиновников”, сокращённо “Опрачин”.

Денис громко и с нарочито театральными жестами начал читать текст брошюры.

– “Множество святых подвижников, старцев и святителей, страстотерпцев и мучеников за веру произрастила земля русская! Мы прославляем великих князей и государей, их жён и чад, епископов, игуменов, простых священников и благочестивых мирян. Все они, словно соль земли, обогащают русскую почву, чтобы и впредь на ней не переводилась отрасль добрая. Предстоя престолу Царя Небесного, святые земли российской ходатайствуют о процветании богодорованного нам отечества, являя зримый пример верного служения Богу, власти земной и России. Наша же задача бережно сохранять память обо всех, кто верой и правдой послужив своей родине, перешёл в селения вечные, обретя родину духа.

Благословенной памяти епископ Тимофей, в миру Тихон Коротков, родился в Москве в 1721 году в благочестивой семье Константина и Неонилы Коротковых. Отец его был известный в Москве врач, прославившийся своим искусством...” Вот с чего это они взяли?

Денис прервал чтение и возмущённо затряс брошюрой.

– Ладно, дальше. “Безмездно врачевал Константин страждущих, пользуя не только людей знатных, но и не брезгуя простыми крестьянами. Мать будущего святителя отличалась особым благочестием, соблюдала все постные и праздничные дни, благодарила нищим, странникам, привечала больных и убогих. Милосердие этой доброй женщины было известно далеко за пределами Первопрестольной. С первых дней жизни Тихон проявил ревностное отношение к постам. Не вкушая молока матери своей по средам и пятницам, младенец вызывал удивление даже у выдавших виды монахов и блаженных странников. Золотое детство Тихона прошло в тихих играх, молитвах и посте, под руководством любящих родителей и под сенью Покрова Пресвятой Богородицы. Повиновение его родителям было полным и безоговорочным, в чём мы можем узреть зачатки великого послушания будущего святителя Царю земному, пекущемуся о благе всех православных христиан. С раннего возраста мальчик обнаружил особое прилежание к молитве и службам в храме Божьем. Он легко выстаивал многочасовые великопостные бдения, удивляя священников своим неложным прилежанием. Дома он легко постигал науки под руководством отца и приходского священника, обучившись письму, чтению, арифметике и латинскому языку. Но мирская жизнь с младых ногтей не прельщала будущего святителя. Не видя для себя никакого иного пути, кроме монашеского, Тихон, с благословения благочестивых родителей, поступил в Коломенскую семинарию и закончил её одним из первых учеников, усердствуя не только в земных науках, но и в послушании семинарскому начальству. В течении семи лет после выпуска Тихон Коротков преподавал различные науки в семинарии, передавая премудрость молодым ученикам, почитавших его за любвеобильный нрав и терпение. Мудрый не по годам преподаватель некоторое время исправлял должность префекта семинарии, проявив себя и на этом поприще. Уже во время обучения Тихон дважды порывался уйти в Боровскую или Лужецкую пустыни...” Вот и не состыковка. На самом деле он пять лет жил в Коломне и преподавал в семинарии. И не различные науки, а латинский и греческий

языки! Да и префект семинарии – должность очень высокая, а он вовсе без сана. Разве что несколько дней он эти обязанности исправлял, пока начальство отдыхает.

– Написано витиевато, – заметил Борис.

– Это ещё не предел. Это всё же жизнеописание, а не житие святого. Вот там свой сложившийся стиль и свои каноны. Множество общих фраз, за которыми и фактов разглядеть невозможно! А вот что дальше. “Тяга молодого семинарского учителя к уединённому молитвенному житию привела его, наконец, в монастырь в небольшом городе Студиславле, что недалеко от Тулы. Обитель эта была известна аскетической жизнью своих иноков. Предавшись подвигам послушания, поста и молитвы Тихон быстро снискал уважение и любовь среди братии. Взирая на неустанные подвиги молодого послушника, ревновавшего о дарах духовных, все насельники обители прославляли Господа, дарующего нам свои милости. После пострига в мантию молодой монах Тимофей удвоил подвиги, удивляя своей ревностью даже опытных иноков. Наипаче же преуспел он в послушании настоятелю и духовному отцу, беспрекословно исполняя все их благословения и находя в отсечении своей воли краткий путь к престолу Создателя. В молитве, терпении и смирении проводил время инок Тимофей. В 1755 году он был удостоен похвалы от Синода и представлен к рукоположению в диаконы, а затем, в священный сан. Став иеромонахом, Тимофей удвоил подвиги молитвы, послушания и поста...”

– Опа, снова удвоил! – удивился Борис. – То есть, пищи он уже в четыре раза меньше ел относительно исходной нормы. А вот в армии наоборот, дают тебе очередное звание, и ты в два раза больше есть-пить начинаешь.

– Всё самое интересное впереди. “С полным сердечным послушанием и доверием воспринял иеромонах Тимофей указы благочестивой императрицы Екатерины о передаче земель и другой собственности в казну. Российское государство, ведшее непрестанные оборонительные войны и расширявшее границы империи, нуждалось в деньгах, лошадях и продуктах для армии. С благоговейным смирением восприняли все служители церкви передачу имущества земного на нужды своей страны. С патриотическим порывом встретили они избавление монастырей и приходов от земного попечения, усматривая в этом сугубый промысел Божий, зовущий к стяжаниям духовным. Об этом мы можем судить по письмам в Синод и Тайную экспедицию, составленным келейником Тимофея, Михаилом (в мантии Мельхиседеком)”

– Тайная экспедиция – это ведь секретная полиция? А зачем это келейник туда письма писал?

– Хороший вопрос! – засмеялся Теплоструев, вспомнив свою работу с советскими архивами, и продолжил читать. – “На молодого служителя Церкви обратили свои взоры члены Священного Синода. За неустанные труды на благо Отечества и православия, иеромонах Тимофей был возведён в сан игумена и представлен Императрице Екатерине. Лично побеседовав с Государыней, игумен убедился в её простоте, открытости нуждам простого народа, желании вникнуть во все проблемы русской церкви. Итогом этой беседы стало назначение свежее испечённого игумена на Дон, в Илевайскую пустынь, известную строгой жизнью своих насельников. Мудрая царица знала, что преданные и высоконравственные люди, попав в отдалённые города, селенья и монастыри будут, следуя голосу совести, неукоснительно проводить в жизнь её волю по укреплению и расширению пределов Империи, молитвой и делом поддерживая мудрую государственную политику. Достигая порой крайних точек огромной и великой страны, раскинувшейся от моря до моря, эти люди становились гласом и совестью мудрой правительницы для всего местного народа. Именно с этого времени появляются намёки на то, что к Тимофею неким образом попал старинный чудотворный крест. Сей крест, предположительно, 13 века, обладал способностью врачевать болезни телесные и душевные, а наипаче, духовные. К сожалению, мы не знаем точно, как эта великая святыня попала к игумену, но во всей этой истории усматривается несомненный промысел Божий, немощных врачующих и оскудевающих исполняющий.”

Примерно с 1764 или 1765 года игумен Тимофей нёс служение в Илевайском монастыре. Будучи человеком, облечённым властью, смиренный игумен всё своё влияние и силы направил на умножение благочестия во вверенной ему обители. Уже тогда древний серебряный крест, спутник всех молитвенных бдений подвижника, стал проявлять свою чудотворную силу. Чудес от Тимофеева креста столь много, что их описанию можно посвятить отдельную книгу. Мы же ограничимся лишь утверждением, что сбылась формула «Святая святым». Среди достоверных случаев чудотворения отмечены: движение епископа по Дону, поверх воды, посредством растеленной на воде мантии с крестом в руке, укрощение бури, избличение воров и многократное исцеление запойных пьяниц. Известны факты умножения в обители репы и раков в голодный год, самозастилание сарая соломой и прозрение слепого кота, не могущего ловить мышей.

Друзьями и наперсниками игумена в те годы были великие государственные мужи, приезжавшие за советом к опытному духовному наставнику, понимая, что вся мудрость земная есть тлен и тщета по сравнению с малой крупицей мудрости небесной. Просвещённый светом благодати и искренней веры, донской молитвенник давал советы, как в делах духовных, так и мирских, включая дела государственной важности, ибо благодать границ не знает и всё возможно верующему. Игумен обсуждал внешнюю политику Российской империи с графом генерал-фельдмаршалом Минихом, вёл беседы с Алексеем Григорьевичем Орловым о военной тактике, запросто пил чай с великим Потёмкиным, который не оставлял без должного внимания советами игумена и всегда щедро жертвовал на монастырь. Александр Андреевич Безбородко любил мудрые советы будущего святителя и никогда не пренебрегал их исполнением, так же как и многие другие знатные особы, при этом внося свой посильный материальный вклад в духовное процветание оплота православия на юге России. Так Илевайская обитель достигла процветания”.

– Чему же из этого можно верить? – поинтересовался Борис.

– Конечно, тут есть факты из подлинной жизни епископа, но отскрести с них налёт сказочной повести очень трудно, поэтому такие жизнеописания лучше не читать вовсе! Или читать, как пример манипуляции фактами и документами. И, всё же, пойдём дальше, пробираясь сквозь туман. “Труды телесные и духовные, мудрость и кротость подвижника стали примером для многих знатных людей России. В конце концов, светильник должен быть извлечён из-под спуда и явлен миру на подсвечнике. Так и Тимофей был облечён в епископское достоинство и назначен на кафедру в древний город Зарецк. Произошло это в 1770 году. Великое умиление, которое испытал святитель церкви после хиротонии...” Вот тут я пропущу четыре страницы, там никаких фактов нет. Одни дифирамбы и симфония с властями, напоминающая бульварный любовный роман. Но отмечу, что подвиги епископа опять были удвоены! “Многими чудесами, пророчествами и исцелениями отмечена деятельность епископа Тимофея на кафедре Зарецка. Большой резонанс...” Ого, в жанре парадных житий не часто встретишь газетный штамп! “Большой резонанс в городе вызвало чудо исцеления купеческой дочери Мелании Чаботыровой от тяжёлой болезни...” О, про Меланию началось! А это моя родственница! «Девица Мелания страдала болезнью ног, потому и не могла самостоятельно передвигаться. Благочестивое семейство Чаботыровых вело жизнь строгую, в полном соответствии с канонами православия и в нелицемерном послушании духовному отцу. Много жертвовали Чаботыровы на нужды церкви и архиерейского двора. Их дары, яко тук и масть всесождения, не прошли мимо взора Отца Небесного и молитвы их проникли в Его уши. Искренняя щедрость купца до сих пор служит примером поведения для всех, кто обладает богатством земным, но взыскует награды небесной. После молебна перед чудотворным крестом, когда всё семейство в слезах, стоя на коленях, умиленно молилось о ниспослании благодати страждущей Мелании, епископ Тимофей возложил чудотворный крест ей на голову и обратился с искренней молитвой ко всем силам небесным. В тот же час Меланья встала, наподобие евангельского расслабленного, со своего ложа и вышла из дома...” Тут опять пропустим. “Часто общался

епископ с благочестивой четой местных помещиков Пьяновых, которые держали в своём имении театр. Постановки этого театра, в отличии от распространившихся в те годы тенденций, отличались нравственной поучительностью и моральной назидательностью, живописали картины народного быта и стремления души простого человека к послушанию, смирению и трудам на благо Отечества. Не мудрено, что епископ почтил своим вниманием это богоугодное дело. Будучи частым гостем в имении и театре, святитель давал ценные нравственные советы не только владельцам имения, но и крепостным актёрам, призывая их честно трудиться на своих хозяев, не помышляя об эфемерной свободе, полной соблазнов и искушений”.

Не понятно было, слушает Борис или только делает вид. Он сидел, держась за руль одной рукой, внимательно наблюдая за дорогой и отхлёбывая из маленького термоса крепчайший кофе, приготовленный ещё дома. Денису тоже захотелось сделать несколько глотков бодрящей обжигающей жидкости. Он уже перенапряг связки, борясь с шумом, так что язык шуршал о нёбо словно наждак о древесину. Ко всему прочему, от чтения жизнеописания во рту стало сладко, словно от старого заскорузлого варенья. Тем не менее, он продолжал:

– “Большую роль в духовном пути святителя сыграла благочестивая помещица Ираида Карловна Пянова. Воспитанная в лютеранстве, она искренне восприняла глубину истин православия и вникала в разные стороны духовной жизни. Именно по её совету епископ Тимофей, презрев суету мира, оставил кафедру и удалился в Леснозёрский скит, где предался уединённой молитве и постническим подвигам.

В этот период жизни епископа-затворника произошло ещё одно чудесное событие. Как и многие отшельники, пребывавшие в молитве, святитель излучал первозданную райскую благодать, которую чувствовали даже животные. Привлечённый незримым эдемским светом, в скит стал захаживать матёрый медведь. При этом дикий хозяин лесной чащи не разорял, по своему обыкновению, пасек и огородов. Напротив, вёл лохматый гость себя тихо, почтительно и первым смиренно кланялся при появлении затворника. Не прогнал святитель лесного пришельца, а, подобно святому Герасиму, приручившему льва, принял в послушание и мишку, кормил его хлебом прямо с ладони и говорил утешительные слова.

Одному Богу известно, сколько трудов понёс святитель в своей маленькой келье, сколько слёз было пролито им в сердечной муке о государстве российском. Но, без всякого сомнения, он всегда просил Бога о ниспослании благодати в сердца правителей нашей могучей империи, умолял Творца о снисхождении к их слабостям и мелким порокам, благословлял русское оружие и проклинал растленный мир, окружающий благословенную империю.

О, каким грозным становился лик святителя, когда он молился о ниспослании кар небесных на отступников веры, возмутителей спокойствия, зачинщиков беспорядков, устроителей раздоров и смут! Бессмысленный и беспощадный бунт Емельки Пугачёва вызвал в сердце затворника неподдельное возмущение и скорбь...” И дальше в том же духе! Всё, больше не могу. Только глоток крепкого кофе спасёт меня от этой халвы!

После чтения Денисом жизнеописания в машине воцарилось молчание. Автомобиль, надрывно гудя и вибрируя, старательно поглощал километры, всем видом показывая, что и такие дороги для него не проблема. Но складывалось впечатление, что одной из многочисленных фар он косит в сторону леса, прорезанного грунтовыми, ухабистыми дорогами с никогда не просыхающими грязевыми лужами и поваленными поперёк просек стволами.

На заправке Денис выпил жидкого кофе с ароматом желудей и керамзита, но всё равно почувствовал прилив сил. Когда вернулись на шоссе, Теплоструев продолжал рассказ.

– Существует единственный достоверный словесный портрет епископа Тимофея. Оставлен он епископом Авелем. Кратко, но точно: “Святитель ростом был не высок, скорее, низок, сероглаз, бородою не широк. Волосов на голове малых, а бровей широких, седых. Глаза большие, веки подпухлые, щёки весьма впалые, нос прямой средний. На лицо щедровит...”

– Это что “щедровитый”? Добрый и гостеприимный? – поинтересовался Кара-Борис.

– Нет, рябой. Так... “Голос тенористый, тихий, говор московский”

– Это какой такой?

– Акающий. Таварищ, прахади, сталбом не стой, – изобразил Денис, но говор у него получился не московский, а кавказский. – “Пальцы рук узловатые, длани узкие, но крепкие, слегка сутулился, ногами страдал временами”. Вот и всё. Этот уникальный документ сопровождался описанием одной интересной истории, в которой фигурирует Тимофеев крест. Прочту целиком на остановке.

Очередное придорожное кафе держали представители какой-то малоизвестной национальности, проживавшей некогда на границе Ирана, Армении и Турции, теперь осевшей вдоль Московской трассы. Судя по шашлыку, весело шкворчавшему на углях, их религия не знала запретов на свинину. В меню также присутствовали фесенджан, долма и несколько видов плова. Всё это было на удивление вкусным, жирным и свежим. Тяжеловесный букет восточных пряностей окутывал путника с головы до ног, пропитывая одежду и волосы. Шансов на избавление от такого амбре кроме жёсткой химчистки, не было. Заказали золотистый рассыпчатый плов с бараниной, чай и приторно-медовую пахлаву. Кара-Борис, хорошо знакомый с пряностями, и вообще, специфическими запахами Востока, приняхавшись, хмыкнул и покачал головой: травянистый, несколько химический аромат дыма, висевшего внутри веранды, был ему хорошо знаком.

Пока Борис, откинувшись на хлипком тонконогом стуле, дремал после еды, смежив глаза, Денис продолжил рассказ.

– Теперь немного о епископе Авеле. Мой предок, Виктор Ильич Теплоструев сохранил обширный архив, касающийся аптеки, которую содержал его дед, Лев Данилович, кстати, хорошо знавший епископа Тимофея, поскольку Теплоструевы испокон веку проживали в Заречке. Часть бумаг дошло и до нашего времени, они хранились на чердаке старого Зарецкого дома у моего прадеда. Когда семья переселялась после революции, большая часть архива была утрачена, но что-то сохранилось. Матушка, не вникая, хотела их сжечь, но я всё забрал четыре года назад и начал разбираться: что там может быть интересного.

– Нашёл что-нибудь?

– Бумаги в основном аптекарские, рецепты, прописи, медицинские журналы старинные. Вырезки из газет, в том числе на немецком языке, разрозненные листы «Pharmasoreoa castrensis», некоторые другие книги на латинском и немецком. Но во всём этом ворохе провизорских бумаг нашлась небольшая папка, в которой были документы личного характера: дюжина черновиков писем Льва Даниловича, поздравления, варианты завещания. А ещё там были два интереснейших документа, напрямую касающиеся нашего вопроса. Вот тут-то и появляется преосвященный Авель, который с 1822 по 1831 годы был епископом Зарецким. Он ушёл на покой в Зарецкий монастырь, после чего и кафедра была упразднена. В папке были несколько листов воспоминаний Авеля о его знакомстве с епископом Тимофеем и истории, случившейся через много лет после этого. И связана эта история, оказалось с тем самым Тимофеевым крестом.

– Очень любопытно! – Непритворно заинтересовался Борис.

– Реальная история покруче детектива бывает. Вот слушай, что я нашёл в этих воспоминаниях.” В 1783 году, в августе, я, то есть Андрей Васенин, сын надзирателя Зарецкого духовного училища коллежского асессора Степана Артамоновича Васенина, сотоварищи отмечал своё 16-летие на берегу Лесного Озера. Несмотря на строгость порядков в стенах епархиальной школы нравы многих учеников были дикими. Не отличался и я примерным поведением. В тот день мы курили турецкий табак, который стянули у Училищного сторожа солдата-инвалида Вахрушина, пили хлебное вино, которое выменяли на рыбу. А рыбу ту украли у мужика с воза, когда он по нужде отлучился. Но все бы ничего, если бы не потянуло нас на дальнейшие подвиги и не полезли мы в барский сад за грушами. Знатные были груши! Там нас и поймали

садовые кустоды с собаками. Грозило нам по всем правилам отчисление. Родитель же мой, сам пребывавший по смерти матушки в вечном запойном состоянии, протрезвев моментально, пошёл на приём к епископу Тимофею, жившему на покое в монастыре, и, упав в ноги святителю, просил смилостивиться над шалунами и заступиться перед директором. Владыка взял с отца обет, что если сына оставят в школе, то сам Степан Артамонович немедленно бросит пить. И велел молиться святым угодникам. Также пригласил и нас, мальчишек, на беседу. Когда мы зашли к нему в келью, нас буквально объял священный трепет. Старец хоть и был слаб и сух, но глаза его горели светом ярким, в них читался и ум, и любовь и сила духовная. Посмотрел он на нас строго и говорит: «Как можно так родителей своих позорить? Спросит Господь, почитали вы отца и мать, что скажете?» Мы молчим, как в рот воды набрали. Да и что тут скажешь? И ещё: «Кто из вас хочет жизнь в канаве закончить, да фамилию замазать? Кто хочет смерть от лихого человека принять? Выходи!» Мы стоим как вкопанные. Так он попугал нас до полуобморока, а потом остановился внезапно, усадил за стол и чаем стал поить. И улыбается, а чай вкусный такой, да с баранками. А от этого ещё хуже на душе; стыдно сильно. Старец о своей учёбе в семинарии стал рассказывать, что и он с друзьями в молодые годы погулять любил, повеселиться, да вот меру знать надо. Те, кто остановился вовремя, полезными людьми стали. Богу и Отечеству служат, да спасения взывают. Кто не смог удержаться, все плохо кончили... Напоследок каждого поманил по очереди, благословил крестом серебряным и на ухо пошептал. Не знаю, что он моим товарищам говорил, а мне сказал странные слова: «Будешь ты Андрейка архиереем! А я тебя об одном простом, но важном деле попрошу. Так, ничего особенного, да и будет оно целиком в твоей власти. Обещай мою просьбочку исполнить». Я сразу согласился. «Обещаю!», – говорю. И потом наивно так спрашиваю: «А что за просьбочка?»

А он улыбается и говорит, мол, не время ещё, жди, все будет в час урочный, но не забудь об уговоре, клятву не рушь.

Всех троих нас в школе по ходатайству епископа Тимофея оставили. Мы так испугались, что учиться лучше всех стали. Я так и вовсе компании бросил. Вина с тех самых пор в рот не брал, даже по праздникам, да и отец мой стал проводить жизнь куда более трезвую. Стал я вскоре школьным цензором, а потом и аудитором. Закончил я семинарию в числе первых, затем и Московскую академию, принял мантию ещё в выпускном классе, трудился учителем в семинарии и ризничим в Лавре, переводами греческих отцов занимался...

А святой старец почил в 1786 году, и никаких просьб, писем или завещаний мне от него не передавали. Я же рукоположен был в иеромонахи, а в 1819 году восприял святительское достоинство. И уже когда я стал архиереем, то и гадать перестал, как же владыка Тимофей меня попросит об услуге, когда он умер давно. Казалось, что загадке этой не суждено разрешиться уже никогда. В 1822 году я переведён был на вдовствующую кафедру в свой родной Зарецк. Начал я знакомиться с хозяйством уже как епархиальный епископ, и нашёл положение епархии весьма в плачевном положении. Предшественник мой, епископ Лазарь, всё своё правление соответствовал своему имени, пребывая безвылазно в своих покоях и покидая их только для редких богослужений, что весьма повлияло на хозяйственную сторону вверенной ему вотчины духовной. Во всей епархии на день начала моего служения было 37 приходских храмов, из них только три каменных, все находились в упадке. Одна – большая, ещё елизаветинских времён, церковь в Лебединском, построенная тамошними помещиками. Другая – церковь Покрова Богородицы в Лесном Озере, которую заложил на собственные средства епископ Тимофей, а достраивали уже другие. Покровская церковь была на два престола, но из-за незаконченных работ, действовал только малый предел, в честь апостола Тимофея Едесского, небесного покровителя нашего Зарецкого епископа-затворника. Главный придел освящён не был, но работы шли быстро, недостатка в деньгах не было. Третья каменная церковь – летний собор Предтечинского Зарецкого монастыря, маленькая, неказистая, построенная с большими дефектами фундамента и сводов, из-за чего невозможно было устроить печное отопление в

храме. Из-за перепада температур стена могла дать трещину и не выдержать тяжести массивных перекрытий и громоздкого купола. Это же хлипкое строение исполняло роль епископской кафедры наряду с тёплой деревянной Всесвятский церковью. Уже давно назрела необходимость строительства каменного кафедрального собора. Тем не менее, самым богатым приходом, привлекавшим множество паломников и жертвователей, был именно Лесноозерский скитский храм Покрова Богородицы. Это место, связанное с памятью почитаемого в округе епископа Тимофея, привлекало толпы людей. Лесное Озеро находится в живописном месте и числится скитом Предтечинской обители. В деревянной ограде размером 57 на 32 сажени находится упомянутый недостроенный храм и старая, но крепкая деревянная часовня времён епископа Тимофея. Также в ограде келья святителя, в подклете которой проживал его ученик монах Мельхиседек, с архиерейскими покоями, а также братские кельи на шесть человек. Тут же были и конюшня с овином, так же все необходимые хозяйственные постройки. Сразу за оградой у главных ворот скита, образуя улицу, построены четыре длинных одноэтажных флигеля для приёма паломников и трапезная с кухней для них. Бревенчатый барак для трудников располагался у хозяйственных ворот, ведущих к реке и лодочным мосткам на берегу.

В скитском храме для поклонения была выставлен саккос епископа, выделанный из цельного куска драгоценного алтобаса, расшитый китайским орнаментом с драконами. В часовне находится чудотворный серебряный крест старинной работы, именуемый в народе “Тимофеев крест”. Именно эта святыня привлекает толпы паломников. По молитве у креста совершаются многие чудеса, которые после тщательного рассмотрения и проверки заносятся монахом Мельхиседеком в специальную книгу. На день моего приезда в епархию таковых чудес было отмечено тридцать пять. Зарецкое общество ревнителей старины, недовольное тем, что Мельхиседек не записывает в свою книгу все известные чудеса от креста, а многие даже изобличает как недостоверные, вело собственный учёт случаев благодатной помощи от святыни. В их архивах упоминается более чем о трёхстах подобных актов. Но все они записаны со слов паломников и проверке не подвергались. Некоторые из этих записей повествуют о фактах совсем уж невероятных, наподобие отращивания отрезанного молотилкой пальца у государственного крестьянина Шамина Ивана, 47 лет. Молился этот Шамин Иван всю ночь в часовне у чудотворного креста, обрубок пальца тряпицей был замотан. Под утро уснул. А проснулся, глядит, а под тряпицей палец целый, как ни в чём не бывало. За ночь, значит, вырос.

Есть в ограде и святой источник. Мельхиседек подтвердил, что когда епископ поселился в Лесном Озере, они вдвоём с иеромонахом Филофеем расчистили родник на берегу Летки и брали оттуда воду для кухни. Теперь источник называется Тимофеевским, а вода в нём почитается целебной.

Видя нужду в строительстве каменного собора, решил я в 1824 году перенести главные святыни нашей епархии (саккос и крест Тимофея) в Зарецк, поместив облачение в старый деревянный собор, а крест – в Зарецкий монастырь. Сборы от паломников позволили бы начать строительство новых храмов и гостиниц к ним. Такой план мне казался единственно верным, и я приступил к его осуществлению.

Посетив инока Мельхиседека, я подробно изложил ему свой план, на что он ничего не возразил, но и одобрения не высказал. Заметил только, что такое дело требует благословения самого Тимофея. Я возразил, что почитание святителя в народе велико и перемещение его вещей, привлекающих народ для поклонения, пойдёт на пользу бедной епархии. Тогда Мельхиседек принёс небольшой дощанец, запечатанный личной епископской печатью Тимофея и сказал: “Вот о том мне владыка и сказывал. Как будут крест забирать, говорил, неси это письмо архиерею”. Я с большим недоверием отнёсся к словам монаха, но сломал печать и достал из ящика плотный голубоватый лист бумаги. На нём бледно-фиолетовыми чернилами было начертано:

“Ваше Преосвященство! Надеюсь, Вы помните о данном мне некогда обещании исполнить в точности мою смиренную просьбу. И паки прошу: не рушить клятву. Просьба моя простая и исполнение её будет лишь в Вашей власти. Настало время, и я обращаюсь к Вашему Преосвященству: Крест чудотворный, хранителем которого по сей день является отец Мельхиседек, пусть по Вашему благословию остаётся в Лесном Озере, на то есть воля Божия. Саккос же забирайте в город и используйте по своему усмотрению. Что касается строительства собора в Зарецке, то это дело совершенно необходимое. Начинайте строить и ни о чём не печальтесь. Господь, милующий рабов своих, и здесь явит своё благоволение, выслав нужных людей. Недостатка средств для строительства храма не будет. За сим остаюсь Ваш усердный богомолец, смиренный Тимофей, бывш. Епископ Зарецкий.

Собственноручно писано мною.

29 декабря 1785 года от Р. Х., г. Зарецк, монастырь св. Иоанна Предтечи”

Надо ли говорить, что изумление, которое я испытал после прочтения этого письма, было столь велико, что я на несколько минут лишился дара речи. “Не рушить клятву”. Загадочные слова епископа Тимофея, которые я услышал от него тридцать шесть лет назад теперь стали понятны, загадка, не дававшая мне покоя многие годы, разрешилась. Отец Мельхиседек всё это время смиренно стоял, смотрел в пол, но казалось, что он в глубине души улыбается, обнаружив мою реакцию. С благоговением приступил я к исполнению воли епископа Тимофея.

Саккос святителя мы торжественно, с крестным ходом, перенесли в деревянный монастырский храм мученицы Параскевы Пятницы. В этом же году был разобран старый Предтечинский собор обители, который дал трещину по западной стене и был закрыт уже полгода. На следующий год было определено место для нового кафедрального храма в Зарецке – на пустыре, возле пересечения Уездной и Вышней улиц, там, где возле Зеленого рынка была обширна стоянка для телег и колясок. В 1826 году были одновременно заложены оба храма, и в городе началось соревнование, какой из них будет скорее построен. Жители Монастырской слободы ревновали о строительстве весьма усердно, но и народ с Угольной горки не отставал, радея о храме Божиим с великим тщанием. Те же, кто жил на Крепостной (по другому названию – Плоской) горе наблюдали за ходом строительства с любопытством и даже делали ставки: кто первый стены выведет, кто купола поставит, кто кресты освятит, да чей иконостас лучше. В 1831 году был готов один из боковых приделов нового кафедрального собора, и я освятил его в честь апостола Тимофея на день Успения Богородицы. А монастырские, которые связались с дорогим и сложным проектом, отстали на два с половиной года. Зато храм в обители стал подлинным украшением города!

Такова моя история, за достоверность коей я ручаюсь.

Смиренный Авель, бывш. Епископ Зарецкий, 10 мая 1831 года, Зарецкий Предтеченский монастырь”.

– Так получается, что написано послание Авелю Тимофеем буквально за несколько дней до смерти? – опешил Борис.

– Именно так, за пять дней. Действительно, что-то типа духовного завещания или послания в будущее.

– И этому можно верить? Точно? Ты как историк что скажешь? – с сомнением в голосе спросил Борис.

– Проверить нет возможности. Сама записка Тимофея до нас не дошла, но не доверять епископу Авелю резона нет. Достоверно известно из архивов и воспоминаний тех времён, что перенос Тимофеева креста был намечен на август 1824 года. А потом всё отменили и почитаемую святыню в Лесном Озере оставили. Причина никому не была понятна. Видимо епископ не посчитал нужным делиться личным секретом при жизни. Только собственноручно написанные воспоминания Авеля проливают свет на многие события.

– А что за Мельхиседек там упомянут?

– Это келейник епископа, прошёл с ним рука об руку весь путь от Студиславльской обители до самой смерти Тимофея. Принял схиму, но в священный сан не рукополагался. Был хранителем креста до 1826 года. Вот даты жизни Мельхиседека, взяты из записок епископа Авеля: «Схим. Мельхиседек (Ворокушин) 1745 (г. Студиславль) – 1826 (Лесноозерский скит, Зарецк)».

– Считай, что приехали, – увидев, на обочине указатель сказал Борис. Автомобиль свернул с шоссе на узкую асфальтовую ленту, вихляющую среди подсолнечниковых полей. До Смысловки, согласно указателю, было всего 4,5 километра.

Игумен Вассиан Голимов был местный, смысловский. Он и провёл в родной деревне всё своё босоное детство до окончания восьми классов, кроме одного короткого периода, когда он бросил школу в разгар учебного года и уехал на попутных машинах в Почаевскую Лавру, в которой обитала особая благодать, не такая как в Смысловке. Васенька, как называли будущего старца при появлении на свет батюшка с матушкой, родился в той старой кособокой среднерусской деревеньке, где все мужики ходили в кирзовых сапогах и пили молочно-опаловый самогон, а бабы носили белые платки и знали множество то ли молитв, то ли заговоров. Советская власть в этой кондовой и архаичной атмосфере выглядела весёлой рождественской постановкой, а комиссары и партийные работники – ряжеными. Но старую церковь, ещё допетровской постройки, на всякий случай местные мужики разрушили в 1931 году, чтобы не выделяться. Особым почтением в деревне, где никакого храма с этого времени не было, а священник исчез неведомо куда и того раньше, году в двадцать пятом, пользовалась пожилая скотница Павлина Кондратьевна, или просто баба Поля. Муж Павлины Кондратьевны, егерь Влас Фёдорович Рыков, происходил из старинного рода местных староверов не ведомо какого толка. Прадед Рыкова ещё до Революции совершил паломничество во Святую Землю и поклонился там Гробу Господню. В память об этом событии он привёз подлинные стружки от этого самого гроба и хранил их в красивой жестяной банке от монпансье фабрики Ландрина. Обе святыни, стружки и банка, перешли в наследство к Власу Фёдоровичу, а после его скоропостижной смерти от избыточного приёма мутного самогона, столь обычной для всех мужчин Смысловки, стала главным достоянием бабы Поли.

Васенька часто ходил к хранительнице святыни, слушал библейские истории про Иосифа и Моисея, рассказы о Святом граде Почаеве и чудесах Лавры, учил наизусть девяностый псалом, подпевал пасхальным стихирам. Но, уходя, он всегда просил свою наставницу дать поцеловать ему святыне стружки. Обычно Павлина Кондратьевна заветную баночку прятала, и абы кому не показывала. Но для Васеньки она всегда делала исключение, считая его душой святой, безгрешной. Невозможно сказать точно, что манило мальчика больше: цветная круглая жестянка со старинными буквами и разноцветными фруктами на крышке или сами побуревшие от времени священные кусочки древесины, привезенные из далёкого Русалим-града. Васенька сначала переживал, что стружек на всех не хватит. Ведь если все паломники возьмут себе по кусочку дерева, что же останется в Иерусалиме? Но баба Поля, как мудрая старица, объяснила, что священный гроб, скобли его или строгай, не уменьшается. На этом мальчик успокоился.

Вернувшись из Лавры домой в сопровождении милиции, где он пережил самое сильное детское потрясение, узнав, что Гроб Господень это каменная пещера, мальчик решил во что бы то ни стало стать священником и построить в Смысловке храм, тем более, что он внимательно наблюдал за монахами и перенял у них несколько красивых жестов, освоил неспешную походку, научился распевному чтению. Он поехал в Лесное Озеро, где жил знаменитый старец отец Павел, о котором хорошо отзывались в Лавре, и был очарован его простотой, сердечностью и мягкой иронией, не задевающей человека, но сбивающей с него спесь и самомнение. Васенька очень сильно захотел научиться и этому. Он запоминал манеры старца, его поговорки,

манеру улыбаться и разговаривать. Авось и пригодится! После смерти иеромонаха Павла он, едва окончив восемь классов, прибил к отцу Мартирию. Больше нигде и никогда не учился, постигая духовные науки своим пытливым умом и ловя всё на лету с крестьянской ловкостью и хваткой.

В 2001 году Василий перебрался в Лесное Озеро. Прожив в келейниках игумена почти девять лет, он так и не удостоился долгожданного пострига в монашество. А ведь ему уже стукнуло двадцать девять, уже пора было рукополагаться и начинать руководствовать заблудших. После смерти игумена Мартирия в 2009 году, Васенька уехал в один монастырь на Волыни, где скоропостижно был пострижен в мантию и рукоположен в дьяконы, а потом и священники. Получив все необходимые регалии и уволившись за штат из гостеприимной епархии, иеромонах Вассиан вернулся в Лесное Озеро и, не меняя статуса заштатного священника, решил было сколотить крепкую общину, став во главе её как отец-основатель. Но тут вмешалась монахиня Вера, изгнавшая новоявленного старца из Лесного Озера. И главное, за что? Ничего такого, чего бы не делал отец Мартирий, за Вассианом не замечалось. Но упрямая монахиня думала иначе.

От почившего игумена Мартирия, почитавшегося в народе за прозорливца и молитвенника, Вассиану досталось множество старинных книг, икон, облачений, тетрадей с воспоминаниями, богослужебной утвари, чем молодой иеромонах любил подтверждать своё право преемственности, восходящее к великому старцу Павлу Яснову. Тут кстати вспомнилась Вассиану его давняя мечта о строительстве храма в родной Смысловке. Получив назначение от архиерея в родные пенаты, иеромонах поселился в старом домике родителей (мама ещё была жива, хотя и страдала лишним весом, диабетом, катарактой, варикозом и экземой, как и все местные женщины, после тридцати пяти лет) и стал принимать заблудших, сирых, убогих жаждущих слова мудрости и алчущих пророчества. Слава молодого, но умудрённого уже нездешней благодатью священника, понеслась по среднерусской земле быстрее ветра! Случаи прозорливости подтверждали его молитвенную крепость, а манера держаться и разговаривать (благообразная, надо признаться, манера) позволяла приходящим забыть, что пред ним человек, не достигший и тридцати лет. Но благодать, её же видно за версту и ей, как сказал поэт, все возрасты покорны!

Новые и новые люди ехали за сотни километров, везли щедрые пожертвования, порой отдавая последнее, лишь бы великий старец наставил на путь истинный, помолился, попросил и благословил. Да и храм стал строиться. Со временем, иеромонах Вассиан стал совершать тайные постриги, стриг в основном женщин, одиноких и пожилых. Они продавали квартиры и другое имущество, вверяя свои судьбы и заодно деньги духовному наставнику. Конечно, были и трудности, ведь враг рода человеческого не спит и не ест, ища как бы напасть подвижнику. Например, одна пожилая женщина из Зарецка перед постригом каким-то образом продала свой большой дом в то время, когда её сын служил в армии. Деньги от продажи она, конечно же, сразу отдала старцу, ибо не престало будущей монахине владеть серебром-златом, а тот аккуратно сложил их в холщёвый мешок и спрятал под матрас, ибо так надёжнее. Вернувшись со срочной службы, неразумное чадо не оценило духовного порыва своей матери, спросив её в тоске: “Где мне жить теперь, мама?” Но мама промолчала. Сын судился с матерью (о, верх нечестия и суетности!) и доказал, что без него сделка не могла состояться и должна быть признана ничтожной. Осталось малое дело – вернуть деньги покупателям, а у мамы их уже не было...

Вот так, преодолевая подобные препоны, и совершал свой ежедневный подвиг молодой игумен. Да-да, этот долгожданный указ, о возведении иеромонаха Вассиана в сан игумена, был получен три месяца назад от архиерея за попечение о строительстве нового епархиального дома и его благоустройство со всем подобающим тщанием, выразившееся в нескольких существенных взносах непосредственно в архиерейский сейф. Не стоит забывать, что к заслугам новоиспечённого игумена можно отнести и строительство небольшого пятиглавого храма в

родном селе и большого подворья с множеством пристроек на его окраине для нужд собственного “монастырька”.

Монастырёк получился знатным, именно таким, каким представлялось Вассиану в самых смелых мечтах. Один только хозяйственный двор занимал четверть гектара и потрясал монументальностью построек. Кирпичный птичник, устроенный по современным технологиям, конюшня с тёплым полом, овчарня с кондиционированием воздуха и коровник “на три персоны” с автоматическим кормушками, всё это было построено очень основательно и находилось под неусыпным взором молодого игумена. Большой деревенский дом, одноэтажный, но с огромным подвалом-хранилищем, служил резиденцией настоятеля. Чуть в глубине двора, в окружении идеально ухоженных клумб, стояли два двухэтажных строения: корпус с кельями для насельниц общины и гостевой дом, в котором были как простые комнаты с двухъярусными кроватями для трудников, так и очень комфортные апартаменты, отделанные в стиле “сельский шик” для особых гостей. Такие гости всегда ожидались с нетерпением, поскольку везли прозорливому старцу толику материальной благодарности, получая взамен многия премудрости, не написанные в книгах, а наипаче – пророчества и прозрения. “Посеял я в вас духовное, – всегда говорил Вассиан. – Так не забудьте поддержать наш тайный монастырёк материально, в этом и смирение, и послушание, и заветы святых отцов!”

Утро было замечательным, тёплым и солнечным. Послушник выгнал трёх рыжебоких коров на пастбище, передав деревенскому пастуху, однорукому алкоголику Славке. Игумен сам поучаствовал в кормлении кур и сборе яиц. Он растёр в пальцах помёт фазанов, понюхал, и отдал распоряжение трём трудникам о смене рациона для этих птиц. Долго ходил в пустом углу двора, меряя его шагами, разводя руки в сторону и с прищуром оглядываясь. Здесь, по мнению игумена Вассиана, и должен будет находиться тёплый сарай для двух выписанных из Калмыкии верблюдов, а точнее верблюда и верблюдицы. Вообще, идея разведения этих животных в средней полосе России очень занимала игумена. Он прочёл гору литературы на сей счёт, от корки до корки проштудировал фундаментальный труд по верблюдоводству народного академика Нарддинкасымова и только укрепился в своём мнении: кораблям пустыни в Смысловке быть! Уникальная польза молока верблюдицы доказана учёными: несколько статей кандидата медицинских наук из Киргизии Абдукарима Кирикмасова давали исчерпывающую информацию о его чудесных свойствах. О шерсти верблюда говорить нечего, лучшего средства от болей в спине и ногах пока не придумано. А верблюжья моча? Мало кто знает, но великие врачи древности, такие как Бухари, Муслим, аль-Джетлак и сам великий Идрис использовали её целебную силу в лечении бессонницы, парши, опухолей и женских болезней, вплоть до бесплодия.

Игумен тщательно вычитал все утренние молитвы и позавтракал сладким крепким чаем с копчёной скумбрией. Отец Вассиан очень уважал эту благородную рыбу за высокий уровень витаминов, содержащихся в её нежном, маслянистом мясе, а особенно – в душистом подкожном жире, из-за чего он всегда тщательно обсасывал шкурку, заботясь о своём здоровье по заповеди святых отцов. Во время трапезы он лучезарно улыбался, предвкушая следующий раунд своего азартного, хотя и очень мирного по форме, противостояния со священником из соседнего села, Нижней Гузновки. Соперничество это Вассиан именовал в глубине души не иначе как “Битва игуменов”. Сидящие за столом послушник Виктор и три монахини (Мартирия, Павла и Николая) с умилением отмечали, что батюшка, слава Богу, сегодня в отличном расположении духа.

Тут же за столом отец Вассиан решил надиктовать ответы на несколько писем, которые приходили ему из самых разных мест, даже от незнакомых людей. В своих неизменно слезных до надрыва посланиях люди спрашивали старца о том, как поступить в сложных жизненных ситуациях, просили молитв и благословения, решали духовные проблемы. Письмами ведала самая грамотная из монахинь, Николая.

– Пишет Зина из Москвы, – начала матушка.

– Это молодая такая, в библиотеке работает? – уточнил игумен. – Она ещё на инкубатор новый пожертвовала...

– Да, батюшка, – подтвердила Николая, – спрашивает: “Как мне быть, отчюшка? Вы благословили меня всё время про себя напевать духовные песни, и списочек их приложили, а я забудусь, и у меня “Три белых коня” на языке сразу вертится!”

– Хорошая песня, красивая, – кивнул Вассиан. – Этого не пиши. Ответь, что пусть семь раз почитает акафист преподобному Лавру, Бугульминскому мольчальнику. Очень действенная штука.

– А где ж его взять, акафист тот? – уточнила монахиня.

– У нас, например, – погладил бороду игумен, и замурлыкал нечто похожее на “И уносят меня, и уносят меня...”

– Далее. Письмо от Валентины с бородавкой...

Вся покрытая островами ржавчины, синяя “Газель” остановилась у ворот ровно в десять утра. Игумен Тит служил в Нижней Гузновке уже третий год. Что греха таить, бедная маленькая деревенька, в которой осталось всего-то сто сорок человек, большинство из которых – оседлые цыгане, едва позволяла настоятелю сводить концы с концами. Приходилось активно привлекать паству, разъезжая с проповедями и проводя подробные, скрупулёзные исповеди с откровением помыслов, что создавало определённую известность игумену и привлекало в его приход тех, кто искал особой, потаённой духовности. Но не смотря на старания, ни крепкая община, ни свой “монастырёк” никак не складывались.

За рулём “Газели” сидел тощий черноволосый парень, похожий на цыгана, по имени Баро, но крещёный в честь мученика Викторина. Проходящий мимо пьяненький мужичок заглянул в кабину, но услышал строгое: “Лавэ нанэ!” и поспешно ретировался.

Водителя проводили в гостевой дом, а отец Тит в сопровождении монахини Мартирии прошёл в библиотеку. Игумен Вассиан в монашеской рясе и клобуке с необычайно длинными шёлковыми наметками стоял перед красным углом, погружённый в созерцание глубин собственного сердца. Обернувшись на гостя, и стряхивая с лица строгую молитвенную сосредоточенность, Вассиан широко улыбнулся и своим напевным голосом заговорил:

– Отец игумен! А я тут утром индюшку по двору ловил. Знаете, живёт у меня с десяток этих птиц, небольшая обитель почти что. Забралась одна из них на поленницу, да всё выше, выше прыгает, до самого верха долезла. А потом... оторвалась она от поленницы, крыльями бьёт, тушка-то тяжёлая, да вдруг низко-низко, но быстро, словно камень из пращи, по-над землёй полетела. Так до гостевого домика и дотянула. Ну не чудеса ли? Я и думаю, что бы это значило? Знамение, не иначе! А оно вон что, к гостю! Это вы, значит, отец игумен, приехали.

После традиционного монашеского приветствия хозяин и гость сели у круглого дубового столика и завели беседу.

– Как поживаете, отец игумен? – спросил отец Тит, благообразно потупив взор.

Гость был тонок, сух, большеглаз, имел правильные черты лица, длинную шею и костлявые белые пальцы, которыми он не без изящества держал массивную чайную чашку, поднося её к тонким ниточкам губ. Тит был старше на семь лет, чем Вассиан, и в юности окончил два курса университета по специальности “социология”, после чего, в поисках Бога удалился в Архангельские леса, где, по слухам, в землянках жили духоносные старцы. Ни землянок, ни старцев он не нашёл, видимо, не там искал, или старцы умели прятаться от непрошенных гостей. Несколько лет он прожил на правах балды в большой семье священника одной из южных епархий, был замечен архиереем, поступил заочно в семинарию и принял постриг в честь ученика апостола Павла, критского епископа Тита.

– Немощи, леность и неразумие довлеют мя, – в тон вопрошавшему отвечивал хозяин. – В общем, вашими молитвами, отец игумен. А вы как поживаете? Что паства? Внемлет ли слову?

– Пастырское слово не должно быть сурово, – уклончиво ответил Нижнегузновский настоятель.

В приоткрытую дверь выглянуло растерянное лицо монахини Мартирии.

– Что, матушка? – поинтересовался Вассиан.

– Батюшка, тут Ленка из областного центра, та, что в детсаде работает, приехала!

– Она же вчера была? – непритворно удивился игумен.

– Я ей то же и сказала. Зачем, говорю, двести вёрст отмахала? А она говорит: “Со своими людьми чаю попить!”

– Что? – не понял Вассиан. И вдруг залился свежим, живым смехом.

– Чаю попить? – сделал комичное лицо Тит.

– Чаю попить! – широко улыбаясь, вторил ему Вассиан.

Отсмеявшись, игумены понимающе взглянули друг на друга, ощутив некое единение. Битва на время перешла в подспудную, подковёрную форму.

– Напои чаем, благослови конфетами и выпроводи, – резюмировал Вассиан и вновь изобразил полное внимание к собеседнику.

Отец Тит сидел на стуле неровно, размахивал левой рукой в разговоре (в правой руке держал то чашку, то сушку). Был он возраста самого цветущего, не то тридцати пяти лет, не то сорока двух. В игумене Вассиане он видел конкурента и собрата одновременно и ревновал к его популярности в столь юном для духовного руководства возрасте.

– Очень востребовано сейчас руководство в семейной жизни, – держа чашку на весу, продолжил Тит. – Но для того, чтобы погрузиться во мрак души грешника, а семейная жизнь зело удобосогрешительна, необходимо самому заглянуть за черту добронравия и целомудрия, на время отречься от всего... этического, что ли. Или же стать как бы в стороне и непредвзято оценить, что есть добро, что зло. А инде следует и малый шаг за эту грань сделать самому, дабы и предмет наших рассуждений был ближе и не выглядел столь абстрактно. Авраам, праотец наш, перешёл все границы разумного, занёс смертоносную свою руку над сыном, а в итоге прав оказался. Люди же немощны, на исповеди вольно или невольно утаивают свои грехи, гнусные поступки, покрываются во след ложным стыдом, чем и усугубляют нечестие. Что я должен сделать, как опытный духовник и добрый пастырь? Растворить грань между своим сознанием и разумом пасомого и, отринув сомнения, кинуться в пучину беззакония с протянутой для спасения рукой...

Тит отпил травяного настоя с добавлением мандариновых шкурок из большой деревянной чашки и потянулся за аппетитным домашним бубликом, отливавшим на блюде румяным боком и благоухавшим свежестью выпечки. Тит зал, что он гораздо сильнее в области теоретических рассуждений, что преуспел в догматическом богословии и философии (всё-таки, семинарию окончил, хоть и заочно) и пытался перетянуть беседу на эту поляну. В знании живой жизни, умении вести хозяйство, остроумии, простоте обхождения с людьми он был гораздо слабее Вассиана и, подспудно осознавая это, избегал непростых для себя тем. Да и бубликов таких у него не было.

– Да, раствориться, – продолжил гость с достоинством. – Это сложный приём, доступный только опытным духовникам. Но такая исповедь наиболее очищающая, наиболее точная и действенная. Результаты её по силе почти равны тем, что получаем мы при проведении древнего чина отчитки, сиречь изгнания злых духов.

– Каким же грехам, отец игумен, вы уделяете наибольшее внимание? Что наипаче тяготит вашего пасомого? – спросил Вассиан.

– Мнится мне, что такова есть страсть блудная. Вот в мытарствах Феодоры...

– Феодоры, отец игумен? – Заулыбался хозяин.

– Ладно, без Феодоры. – Тит сбился от такого вопроса, поскольку иронию уловил. – Но эта упомянутая страсть – всем страстям голова.

Гость замолчал, подбирая слова, хозяин же, пряча улыбку в бороде, смотрел на его замешательство.

– Блудная страсть – корень всех зол. И в семейной жизни мы видим поле непаханое, неоранное. Другие духовники как поступают? Венчался – не венчался. Как будто это индульгенция какая. Но именно в семейной жизни похоть и скоктания находят себе пристанище, укореняются и, сокрытия от посторонних взоров, расцветают пышным цветом, яко крин сельный при благорастворении воздухов. И только опытный духовник, знающий врага в лицо, способен вытащить из глубин сокровенных на свет белый все потайные корешки и корешочки. Можно сказать, без преувеличения, но и не без некоего удовлетворения, что я нашёл ключик, открывающий жизнь семейную, крючочек для сих корешочков. И какие разверзаются бездны! Потянешь за одну малую страстишку блудную, а там... такое изумление испытываешь! И вот что удивительно. Грехи одни и те же, казалось бы, а как по-разному на них смотрят муж и жена. Самое же интересное, когда об одном и том же грехе вопрошаешь супругов отдельно. Это прямо мякотка! Вот, например, такой случай...

– Скажите, отец игумен, кто наиболее подвержен страсти сей: мужеский пол, али женский? – Перебил зарумянившегося рассказчика Вассиан.

– Тут сомнений быть не может, отец игумен, – уверенно ответил гость. – Женщина – по природе своей существо блудное, духом слабое, ко греху удобопреклонное. И потому, лечение болезни надо начинать как можно раньше! Чем моложе жена, тем лучше результат. Не закоснела она покамест в пороке, может ещё воспрянуть и исправиться. Идеальная ситуация, когда исправление начинается ещё до замужества. И духовник, действуя превентивно, если вы понимаете, в девичестве, так сказать...

– Тяжёл ваш труд, батюшка!

– Ох и тяжёл! – не чувствуя подвоха покачал головой Тит, сочувствуя сам себе. – Два года уже тружусь над составлением полного каталога всех страстей блудных, их видов, подвидов, способов и вариантов. Не только телесных, но и чувственных, проникающих в душу через око, ухо, а также и обоняние, и осязание, творимых во сне и мороке, воображении и мечтании.

– Отец игумен, так тяжёл труд сей, что отец Мартирий, приснопамятный старец, у которого я много лет келейничал, не дерзал за него братья и всех монахов от такого дела предостерегал. Белым попом, оно сподручнее в таком тонком вопросе разбираться, говорил он, да и то не всем.

– Так-то оно так, – не сдавался Тит. – Этот крест не каждому духовнику по силам, это точно. Но для того, кто пересёк грань, жертвуя собой за други своя, нет ничего невозможно.

В библиотеку через приоткрытую дверь вошёл толстый рыжий кот Боян и, дойдя в развалку до Вассиана, требовательно замыкал. Хозяин взял на руки кота, не способного уже запрыгнуть на стул от лишнего веса, и стал кормить маленькими кусочками сыра. Боян уютно замурлыкал, посматривая на тощего пришельца искоса. Этот нервный гость никогда не нравился Бояну. И пахло от него как-то странно.

– Чуть не похоронил его Великим постом, – вздохнул Вассиан, имея в виду своего рыжего кота.

– Что, соседские кошки задрали? – со знанием дела поинтересовался Тит.

– Нет, обожрался, мученик, – умильно вздохнул хозяин, продолжая теревить за ухом рыжего толстяка. – Пожертвовал мне один доброхот тридцать четыре килограмма солёной сёмги. Отборное филе, жирное, нежное такое, как сливки. Какой-то у него там рыбный заводик, скумбрию делают – пальчики оближешь! Пожертвовал, мы и рады, многая лета. Рыбы три коробки, расходится медленно, опустили её в погреб. Мать Николая раздать хотела, да я не велел, всё же – подарок, что ж его налево-направо. Недели через две стала сёмга та чуть припахивать. Но мы не выбрасываем, гости какие бывают, угощаем. А Николая вышла раз к почтарке, да погреб не прикрыла. Боян, разбойник, залез туда и спрятался. Три дня его искали,

а он, значит, пировал в одиночестве. Килограммов пять съел, окаянник. Витька его нашёл еле живым, когда грибы маринованные полез расставлять. Стонал наш Боян, как человек, на глазах слёзы, умирал почти, разве что исповеди не просил. Неделю его маслом оливковым отпаивали, еле подняли. Потом он бегонию с подоконника целиком съел, проблевался и вконец очухался, победная голова с усами.

Боян задремал, глухо урча и изредка потягиваясь то одной, то другой лапой. Они немного посидели в тишине, гость с удовольствием поедая бублики. Всё же, женская рука в доме нужна, подумалось ему. Беседа возобновилась, но текла вяло, и затрагивала самые общие темы: все-православный собор, взносы в епархию и банкротство местного консервного завода, за внимание которого соперничали три окрестных прихода.

Через час игумен Тит встал и начал откланиваться, хваля смысловское гостеприимство и свежую выпечку.

Победа по очкам, вроде бы, была за хозяином, но ему всё же ещё хотелось отправить противника в нокаут. В этот день судьба благоволила Вассиану, предоставив ему шанс на чистую победу, и он им незамедлительно воспользовался. Целуя, как принято у священников, руки друг другу, Вассиан заметил, что на левом запястье у Тита нет чётки. То, что монах не может расставаться этим своим духовным мечом, знает каждый. И есть, и пить, и спать подобает иноку, не выпуская сего оружия из рук. Чётки даются при постриге как символ молитвенного делания, внутреннего совершенствования и непрестанной духовной брани человека против собственных грехов.

– Помолитесь обо мне отец игумен, – смиренно сказал Вассиан. – Помолитесь о моих немощах, а особенно, чтобы чётки к руке приросли, а то какой же я монах без них!

Тит перевёл глаза на свою руку, побледнел, как белый лист и буквально выбежал из дома, шатаясь, как от пропущенного апперкота и сгибаясь под тяжестью всемирного позора. Гуси смотрели на убегающего игумена своими чёрными глазами надменно, куры в полголоса насмешливо кудахтали, а великолепные фазаны наперебой издавали победные крики. Видимо, так и выглядит “курам на смех”. Заработал мотор, и синяя газель умчалась, поднимая клубы пыли, в Нижнюю Гузновку. День начался хорошо.

Не успел игумен насладиться победой, обходя свои владения, как у ворот остановился внедорожник, облепленный цветными наклейками, и из него вышли двое мужчин. Пройдя в незапертую калитку, новые гости остановились и один из них, высокий молодой человек с намечающейся бородкой громко сказал:

– Батюшка, благослови!

– Бог благословит! Идите-ка сюда, поглядите. Вот они, мои послушницы. – Отец Вассиан улыбнулся хитрой крестьянской улыбкой. – Цып-цып-цып! Сорок кур, три петуха, семнадцать уток и пятнадцать гусей. Ещё перепела, им же несть числа, и два хазана, это я на развод взял. Ещё куры – хохлатые, карликовые петушки и даже лысые еврейки со Святой Земли. Но моя гордость – вот эти индюшки-индейки. Индеечки! Взял птенцами, да выхаживал, как младенцев. Из двух десятков девятнадцать выжили. Знаете ли вы, что индейки самые необыкновенные из всей домашней птицы. Он самые умные и странным, прямо мистическим чутьём обладают, и если к ним присмотреться, можно события предсказывать! Вот, например, сегодня утром... Вы же знаете, что индюшка летать не может? А тут такое дело, странное. Забралась одна из них на поленницу, да всё выше, выше прыгает, до самого верха. Потом огляделась, буркнула так сердито, и полетела. Оторвалась от поленницы, крыльями машет, и низко-низко, но быстро, словно из пращи выпустили, по-над землёй летит. Так метров пятнадцать и одолела. Ну не чудеса ли? Я и думаю, что бы это значило? А оно вон что! Это вы приехали.

Игумен заулыбался в рыжеватые усы и потрогал длинную узкую бороду, словно проверяя, на месте ли она. Из сеней главного дома выглянул молодой длинноволосый мужчина, заросший по самые глаза, и недовольно осмотрел неожиданных гостей.

– Витя, всё в порядке! – кивнул ему отец Вассиан.

У ворот остановилась телега, запряжённая золотисто-каштановой лошастью, и две бабы в резиновых сапогах протиснулись в калитку, неся каждая по сетке отборного фиолетового лука.

– Батюшка, – возгласила одна и осеклась, увидев гостей. – Мы это...

– Не сейчас, – отмахнулся игумен. – Лук Витьку отдайте, он в погреб снесёт.

Вассиан обернулся к дому и звонко, распевно, тряся бородой, крикнул:

– Матушка Мартирия! Проводи гостей в библиотеку, я сейчас подойду!

В сопровождении женщины лет пятидесяти, одетой во всё чёрное, не смотря на жару, гости вошли в дом и сразу из сеней проследовали в большой прохладный зал, где хранились книги, иконы и всевозможные святыни.

Библиотека была оформлена так, что у посетителей дома не могло остаться ни малейших сомнений в праве игумена Вассиана на вакантное место старца. Все стены просторного помещения сплошь были заставлены шкафами с книгами. Здесь были и старинные требники, и богослужебные книги второй половины девятнадцатого века, полные собрания житий и творений святых отцов, Библии разных размеров и степени потёртости. Одно только многотомное “Добротолюбие” было представлено в шести различных изданиях, от начала девятнадцатого века, до конца двадцатого. Большую часть собрания представляли собой книги и святыни, перешедшие к игумену от отца Мартирия, который, в свою очередь, унаследовал всю библиотеку иеросхимонаха Павла. Перед красным углом выстроились в ряд шесть массивных резных аналоев с ковчегами разных форм и размеров на них, от очень больших до совсем маленьких, предназначенных для хранения принадлежащих игумену святынь. Один из аналоев, обитый тёмно-красным бархатом, стоял в самом центре и возвышался над остальными, но был пустым и казался уготованным для особого, главного предмета, святая святых.

Денис подошёл к объёмному шкафу, занимавшему всю стену, где за чистыми стёклами стояли ряды безмолвных свидетелей духовной жизни русской земли последних двухсот лет и, открыв резную дверцу, наугад вынул книгу в картонном переплёте, с оторванным корешком и торчащей на его месте жёлтой марлей. “Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский. Аскетические опыты”, – было написано на крышке тиснёными буквами, сохранившими кое-где позолоту.

– Не читайте никогда святителя Игнатия без опытного духовного наставника! – раздался голос над ухом Дениса. Он вздрогнул от неожиданности, поскольку не заметил, как вошёл хозяин библиотеки и встал за его спиной. Борис книгами не интересовался, но с интересом осмотрел собрание старинных икон в красном углу.

– Что привело вас ко мне, смиренному сельскому игумену? – В своей распевной манере спросил хозяин. – Я человек простой, тевелизер не глядую и радиово не слушаю. Убог и сир, мало разумен и не смыслю в вопросах духовных! Идите с Павлой коров подоите!

Последняя фраза, как оказалось, адресовалась голове рыжебородого послушника, заглянувшей в приоткрытую дверь. Голова тут же исчезла. Отец Вассиан обратил на Дениса свои прозрачные серые глаза и, слегка прищуриваясь, сказал:

– В обед коров всегда надобно подоить. А то некоторые ленятся за реку на пастбище ходить, далеко, мол, три километра туда, три назад, да с вёдрами. А скотина бессловесная до вечерней дойки терпит, мучается, домой еле доходит, гудит, как пароход на реке. Так что у вас?

– Мы того... – растерялся Денис.

– Насчёт креста нам... поговорить, – нашёлся Борис. – Николай Иванович Кобецкий поклон передаёт.

Он достал из внутреннего кармана туго набитый конверт и передал игумену. Тот взял его в руки и, не скрывая волнения, раскрыл. Конверт был набит зелёными дензнаками с изображением президента далёкой державы. Удовлетворённо улыбнувшись, но, не теряя при этом смиренного достоинства, отец Вассиан спрятал конверт в глубинах монашеской рясы.

– Я так понимаю, вам нужно рукоположение по ускоренной программе? С постригом или без? Наши украинские друзья с недавнего времени за постриг стали брать отдельно...

– Да мы насчёт Тимофеева креста, – смутился Денис.

– А, вот оно что! – всплеснул руками игумен. – А я, грешным делом... Мать Мартирия, чаю нам, чаю! Скажите, молодой человек...

– Денис, – представился Теплоструев.

– Да, Денис, скажите, что бывает после чаю?

– Что? – Денис никак не поспевал за стремительной сменой тем и терялся. – Сладкий сон?

– Ах-ахах! Подловил! – Заливисто рассмеялся отец Вассиан, обнажая ровные крупные зубы. – После чаю – всегда – воскресение мёртвых!

– А, ну-ну, конечно, – Денис знал эту старинную семинарскую шуточку, но не ожидал её услышать при таких обстоятельствах. Борис, не знавший Символа Веры, пожал в недоумении плечами.

Вошла Мартирия с метровой ширины подносом, уставленным разномастной посудой. При её появлении, Борис вздрогнул, побагровел и заиграл желвакам. Покуда она управлялась с угощением, он не спускал с неё глаз. Денис этого не заметил, поскольку уже вёл беседу с игуменом.

– Мы, батюшка, знаем про фотографию и круг избранных хранителей Тимофеева креста, определённых отцом Павлом. Но куда делся сам крест после смерти монахини Веры, понять не можем.

Отец Вассиан проверил, на месте ли борода и заговорил в своей распевной, убаюкивающей манере, при этом, почти не скрывая досады:

– Никто этого из наших не знает. Никто. Хотя, очевидно для всех, крест должен был перейти ко мне вместе со всеми вещами отца Мартирия. Я, конечно, человек простой, смиренный, сплю на рогожке, радива не слушаю, но по милости Божией, девять лет келейничал у великого молитвенника, старца и чудотворца отца Мартирия. Никто так не был близок к нему, как я, никто. И что мать Вера? Захватила власть после смерти батюшки. Изгнала меня из Лесного Озера, клеветы и напраслины возвела на меня. Обуяла соль святого места, обезумела! Пусто стало, бесприютно. А крест к ней перешёл по недоразумению, существу недоразумению. Стоило мне отлучиться на короткое время, как она, словно коршун с неба, налетела на бедного старца, бывшего в глубокой болезни, почти что при смерти, и правдами-неправдами крест к рукам своим прибрала. А теперь, вот, умерла, царство ей небесное, Господь ей судья, а куда крест дела? Куда святыня запропастилась?

– Но хоть какие-то зацепки есть? – уточнил Борис.

– Искушение! Меня мать Надежда на порог не пускает... Хорошая она, добрая, но разум как у птички-невелички. Всё твердит, что матушка Вера запретила со мной про крест разговаривать. Я Витьку, послушника, три раза посылал и в Москву, и в Лесное Озеро, всё без результата. Паравикин, он человек со связями, ищет крест, знаю. Говорит, мол, найду святыню святителя Тимофея, схиму приму. С него станется! Если крест найдёте, любые деньги просите, я заплачу. Любые! Дело не в деньгах. Крест должен перейти ко мне, как преемнику и духовному наследнику батюшки Мартирия! Вот у меня каталог всех вещей, доставшихся мне от старцев. Двести семьдесят три книги, вы их видели в библиотеке, сорок одна икона, пять подрясников, но они мне великоваты, фелони, епитрахили, параманы, клобуки, служебники, требники, дарохранительниц две, покровы бархатные и парчовые, солонка серебряная, портсигар старинный... Ну, и так далее. А вот запись: “Крест серебряный фигурного литья, шести-конечный с четырьмя изумрудами, именуемый Тимофеев крест, гурт оформлен по рукоятке с двух сторон клеймением с надписями на латинском языке (левая сторона) и русском (правая сторона)”. Вот этого нет. Прочерк.

В сенях загремели вёдрами, видимо Виктор и Павла собирались на дойку. Борис продолжал сверлить глазами Мартирию, почти не притронувшись к чаю. Денис, как всегда, отдал должное и чаю, и белому деревенскому хлебу с мягким домашним сыром, и ароматному малиновому варенью, и густейшей коричнево-золотистой баклажанной икре, выложенной в большую алюминиевую миску.

Потом Борис достал групповую фотографию и положил перед игуменом.

– Батюшка, не подскажите, кто это? – спросил Денис, показывая кривой чайной ложкой в неопознанного пока семинариста.

Игумен, сощурился, полюбовался на себя в молодости, а потом, переведя взгляд на человека в подряснике уверенно сказал:

– Это отец Варавва. Он настоятель в Замшелом-Чащинском монастыре, под Москвой. Вот у него, вполне вероятно, крест может и быть, доходил такой слух от верных людей!

Денис записал в телефон информацию и стал благодарить хозяина.

– А на прощание... Вот, возьмите! – Вассиан плавным движением взял с подоконника переплетённую вручную небольшую книгу и передал Денису. – Воспоминания об игумене Мартирии. Подлинные факты, всё что я видел своими глазами. Одна лишь правда. Книга почти готова к изданию, а пока что сами печатаем, переплетаем, да среди своих распространяем. А как соберём посмертные чудеса старца, так и в издательство пристроим. Добрые люди уже готовы оплатить. И ещё вот это...

Из большого бумажного пакета игумен достал две серых футболки и развернул одну из них. На ткани была изображена птичья голова с радостно раскрытым широким клювом. Тончайшие пёрышки на голове торчали во все стороны, придавая птице вид лихой и обаятельный. Надпись под ней гласила: “Смысловская страусиная ферма.”

– Ну как? – заговорщически произнёс игумен.

– Замечательно! – опешил Денис.

– Приезжайте через три месяца, со страусами своими познакомлю!

– Непременно!

– А если кто желание будет иметь, дабы Царство небесное заработать, жду к себе на послушание, мне трудники нужны. Петушки редких пород – они как дети, за ними уход нужен постоянный.

– Мы учтём! – поспешили откланяться гости.

– Царство небесное силой берётся, – глубокомысленно изрёк Вассиан и проверил наличие бороды. Она была, как всегда, на месте и, как всегда, пахла скумбрией.

Уже в автомобиле, не заводя двигателя, Борис, смотря прямо перед собой, вдруг спросил Дениса:

– А попов... бить можно? В случае крайней нужды.

– Бить никого не позволительно, даже самого глупого священника, – пожал плечами Денис. – Да только бывают случаи, что сам бы приложил, не скрою. Как в старые времена считалось? Если всем миром долгополого проучить решали, то главное при этом, чтобы скуфейку с его головы снять. В скуфейке никак колотить нельзя.

– А за что ж их побивали?

– Один казну приходскую пропьёт, что всем миром на храм собиралась, другой – таким учениям учить станет, что молокане с хлыстами отдыхают, а иной себя вторым после Бога возомнит, почтения требует и полного послушания, а сам дурак да пустомеля, ну а кто и на чужую жену позарится. Уж лучше такому отцу кулаками по бокам пройтись, чем он сам погибнет, да людей соблазнит, считали на Руси. Но по лицу не били, а то поп этот на службе с фингалом не благолепно выглядеть будет.

– Шапку, значит, снять? – повторил Борис и вместо того, чтобы тронуться в путь, решительно вышел из машины и исчез во дворе Вассиана, бросив на ходу: “Здесь посиди!”. Через

несколько минут из дома донёлся грохот пустого ведра и разговор на повышенных тонах. Слов было не разобрать, но гневный басистый голос что-то громко возглашал, а другой, высокий, немного обиженный и растерянный пытался ему возражать. Потом всё стихло, и из приоткрытой калитки выглянул толстый рыжий кот, огляделся и лениво последовал дальше. Он пристроился на солнышке и через полуприкрытые веки наблюдал за стайкой молодых воробьёв, резвящихся в ветвях рябины.

Минут через двадцать, когда Денис уже собирался пойти проведать, что случилось, Борис вышел из калитки, спокойно сел за руль, и машина рванулась вперёд по деревенской улице, а потом, пыля, помчалась через жёлтые головы подсолнечников к шоссе. Выехав на дорогу, Борис достал из внутреннего кармана пакет с купюрами и бросил на колени Денису.

– До банка доедем, Максу Лошакову переведём.

Пакет был тот же, сиреневый с узором, что отдавал Борис отцу Вассиану.

– Монашка, что нам чай накрывала...

– Мартирия, – подсказал Денис.

– Эта Мартирия, ети её, мать Макса. Они зарецкие, на Пролетарской жили. Я и отца Максова, Славку Лошакова, знал хорошо, служили вместе. Он лет семь уже как от семьи в бега подался, до самого Магадана доехал, а там уже три бабы сменил. Жена его сначала молодилась, хорошилась, а потом в веру подалась, да к какому-то попу прибилась. Как сын её ушёл в армию, она дом втихаря продала, кто-то с юристами помог, а деньги этому попу снесла, а сама в прислугах у него осталась, он её тайно в монашки посвятил, что ли. Я давно хотел того попа разыскать, да концов не находил. Вот это он, значит, и есть.

– Ты что, деньги у него отнял? – удивился Денис.

– Да ладно, так сразу и “отнял”! Сам он отдал, даже бить не пришлось. Только шапку с него снял, он всё понял. Вот его расписка, батя собственной рукой нашкоблал.

Борис достал тетрадный лист, где круглым, прыгающим почерком было написано: “Я, игумен Вассиан (Василий Власьевич Голимов), передаю означенную сумму Максиму Олеговичу Лошакову, как бывшему собственнику дома №12 по улице Пролетарской г. Зарецка, проданного в мае с.г. Деньги находились у меня на временном хранении и касательства к ним я не имею. Вся сумма передана добровольно и без всякого давления, от каких-либо претензий отказываюсь”. Под распиской стояла витиеватая многобуквенная подпись, дата и печать местного прихода.

– Ну, ты Робин Гуд, – удивился Денис, с уважением посмотрел на Бориса, которого он всегда осуждал в душе за демонстративный атеизм. – А то что эти приходские игумены до сих пор практикуют тайный постриг, это смущает многих. Во времена гонений, в советские времена, я понимаю! Так мантию прятали от властей, был монастырь в миру. А сейчас прячут от кого? От архиерея? Конечно, если постриг официальный, монахиню могут в любом монастыре поселить, а если тайный, то другое дело. Живёт женщина на приходе, помогает при храме, не подкопаешься. Но фактически принадлежит она на правах крепостной своему духовнику.

– Ты сам ему ничего не дарил, машину там, или курей редкой породы по штуке баксов за голову?

– Да ты что? – возмутился Денис. – Тут курами не отделаешься! Ему надо разум свой взять да в руки предать. Делай, мол, старец с ним чего захочешь. А вот я боюсь, что он руки после рыбы не помыл.

– Ещё я батяню попросил матери Макса ничего не рассказывать, – добавил Борис. – А если какой слух пойдёт, обещал вернуться, курятник спалить.

– Вот террорист! Понятно, откуда “Кара-Борис” взялось! – воскликнул Денис.

Тут Борис тихо засмеялся. Вслед за ним захмыкал и Денис, вспоминая вассиановских гордых гусей, молчаливых индоуток, летающих индеек и глупых пёстрых фазанов. Кривая сельская дорога выбросила их на скоростное шоссе, и они помчали в Москву. Подсолнечни-

ковые головы тянулись вдоль дороги ещё долго, пока их не сменили зланные места – поля, засеянные пшеницей, или рожью, кто их там разберёт.

Обострённое восприятие внешнего мира, излишне тонкое, с включением в хоровод событий множества деталей, не заметных большинству представителей современного рассеянного человечества, было для Теплоструева и наградой и жалом во плоть. Поток второстепенных персонажей, врывающихся в сознание, говорящих, двигающихся, живущих своей жизнью, рвущихся на авансцену, позволял ему видеть жизнь как в многомерном кино. Но сознание, перегружаемое информацией, как сервер запросами, начинало периодически сбоить и тормозить. Массовка становилась агрессивной, превращаясь в толпу кочующих варваров, опустошающих империю, мешающих сосредоточенной работе мысли, изводящей психику постоянными выкриками на своём диком наречье. С раннего детства и до знакомства с Юлей Денис применял простую и действенную технику ухода от нашествия деталей мира, освоенную им случайно. В девятилетнем возрасте, будучи с классом на экскурсии в Боровском монастыре, он, незаметно отстав от группы, зашёл в пустую древнюю монашескую келью и опустился на поленницу дров, сложенных в углу. Сознание его едва выдерживало поток впечатлений от нового места, галдежа одноклассников, мелькания лиц, автомобилей и деревьев... Даже деревьев, с их сумрачными сухими лицами аскетов и острыми глазами разбойников, кривыми ручищами колдунов и щербатыми ртами нищих бродяг.

В келье был неживой музейный порядок и тишина, но была чистота и в том воздухе, которым келья была наполнена. Через несколько минут, неожиданно для Дениса, волны образов в голове улеглись, потом отступили за стены, не смея беспокоить своим присутствием. Сознание стало ясным и спокойным. Он огляделся, стараясь запомнить как можно больше подробностей. Белёная печь с двумя голубыми изразцами, покрытыми сеткой трещин, тяжёлый, низкий сводчатый потолок, узкое стрельчатое окно, крашенные в тёмно-синий цвет доски пола. Толстые монастырские коты, тёмно-серый полосатый и грязно-белый, голубоглазый, ходили снаружи окна по широкому подоконнику, открывая пасти. Коты, наверное, мяукали, просясь внутрь, но звуки не проникали через барьеры.

Это разнообразие предметов и явлений существовало вокруг Дениса, не проникая в сознание. Ничто не тревожило мысли, всё было миролюбивым и убаюкивающе спокойным. Впервые Денис ощутил равновесие с миром, доселе таким шумным, бестолковым, крикливым и агрессивно-навязчивым. Он отгородился от него не только каменными сводами, но и незримой пеленой, сотканной из неведомого доселе материала. Мальчик запомнил это место и это новое ощущение, чтобы потом мысленно перемещаться в спасительную келью, укрываясь в её таинственном мире от суетного и бессмысленного потока образов и звуков.

Познакомившись с Юлей Пьяновой, Денис внезапно осознал, что теперь спасительным пристанищем для его утомлённого сознания является не воспоминание о монастырской келье, затерянной в дремучем лесу, а воспроизведение в воображении всех подробностей образа простой русской девушки. Образа одновременного обыденного и неземного.

Юлькина кожа всегда благоухала куличом и ванильной творожной пасхой. Денис поражался, как вообще человек может так сдобно пахнуть. Он ни разу не говорил своей невесте (да, он всё-таки сделал предложение, пусть и мысленно), и себе самому едва признавался, что, обоняв однажды от простой, незамеченной доселе девушки такой удивительный, такой тёплый и праздничный аромат, он почувствовал, как калейдоскоп чувств в его душе собрался в неведомый доселе узор. И если первый вдох этого аромата был нечаянным и мимолётным, то второй глоток был вполне осознанным, для чего пришлось осторожно приблизиться к источнику благоухания почти вплотную. Приятный запах не померещился, он только распался как свет, пропущенный через призму, на спектр. В его сложном составе солировала густая сдобно-

коричневая нота в обрамлении спелых ароматов изюма, кураги и жирного свежесбитого сливочного масла, сквозь которую не броско, но заметно для внимательного обонятеля, пробивался тон сладкого хереса. Страстный андалусский дух стыдливо прятался за пшеничной сдобой, но ровно настолько, чтобы поддразнить и запутать. Он словно сулил раскрытие некоей приятной тайны, наподобие долгожданного подарка, завернутого в несколько слоёв бумаги. Если воспринимать этот аромат отдельно от внешнего облика конкретного человека, то более всего он ассоциировался с быстрой, как течение горной реки, свежей струёй радости, в которую добавлены две капли волнительной грусти близкого моря и льдинка гордости из холодного горного истока. Если и был у Дениса соблазн назвать это удивительное ароматическое явление ромовой бабой, то только в возвышенном, одухотворённо-обонятельном смысле.

Автомобиль остановился у кособокой придорожной закуской, и сложная гамма спасительных запахов в мечтах Дениса сменилась вполне реальным, тяжёлым, стелящимся по земле духом горелого свиного жира, с припахом сладковатого мускуса, присущего только старым хрякам. Денис с удовольствием потянулся. Ватная слабость обволакивала спину, ноги плечи. Борис выглядел охотником на звериной тропе: его мозгу требовался очередной кофеиновый заряд. Денис никогда раньше не пил столько кофе, предпочитая чай. На знаменитый вопрос: “Чай или кофе?” он всегда отвечал: “Чай, Пастернак, собака, коньяк”.

Они подошли к зацарапанной высокой стойке цвета лежалого лимона.

– У вас кофе какой? – устало спросил в пустоту Борис. Перед прилавком никого не было. В углу кафе, надвинув на глаза мятую льняную кепку, дремал над чекушкой и стаканом томатного сока какой-то местный старик.

– Варёный, – раздался из ниоткуда тихий волшебный голос, и из-за ширмы к стойке вышла девушка. Она была хороша той особенной русской красотой, в которой татарский омут тёмно-карих глаз и размах широких скул сочетается с нежной гармонией всех черт лица. Таким девушкам из глубинки присуща пугливая диковатость взгляда, ловкость подвижных, чуть полных, рук, едва заметная сдобная полнота и детская припухлость щёк. В них всегда есть природная грация, пусть и слегка тяжеловесная, которая позволяет прямо здесь, за ширмой, переодеться в вечерний наряд и стать королевой провинциального бала, примагничивающей к себе взоры мужчин всех возрастов и сочетающей в себе всё сразу: и материнскую доброту, и женскую желанность, и детскую наивность.

– А жареный есть? – неожиданно резко отреагировал Борис.

– Извините нас, с дороги устали, – вмешался Теплоструев. – Нам два кофе... варёных.

Загудела, задрезжала, разогреваясь, массивная машина. Замелькали ложки, чашки, сахарница, салфетки.

– У нас в округе все пьют растворимый, кофеварка есть только у нас, – немного оправдываясь, пояснила девушка и подняла на Дениса глаза, задержав на его лице слегка потерянный взгляд. Внутри её зрачков переместилась густая тень, словно перевернулась с боку на бок, затем девушка вновь опустила взгляд долу.

Кофе был крепкий, с яблочной кислинкой и густой коричневой пенкой. Старая машина давала отличный результат.

Денис сел за столик и быстро опустошил свою чашку. Затем, повинувшись бессознательному зову, он вновь подошёл к стойке, желая ещё раз заглянуть в глаза девушке, убедиться всё ли он разглядел правильно. Официантка смотрела в окно, на подоконнике без звука работал маленький пучеглазый телевизор.

– Девушка, ваш кофе удивительно хорош, – прервал её размышления голос Теплоструева.

Плечи девушки вздрогнули, и она медленно повернула лицо к Денису.

Тень в глубине глаз была реальной, она встала в полный рост и владела сознанием девушки. Её полубезумный взгляд с отблесками тёмного пламени в широких зрачках горел

болезненным страданием. Неожиданно глубокая складка прочертила её переносицу, исказив гармонию черт лица. Полные, но такие сухие губы страдальчески кривились.

Замерев, как птица-портной перед ритмичными колебаниями кобры, Денис не мог отвести взгляда от ведьмовских плясок теней в глазах девушки за стойкой и детского пушка на розовых скулах.

– А нам уже пора, – крепко ударил Дениса по спине Караваяев и зло усмехнулся.

Стрикс, не знающий усталости, гулко урча, помчал дальше.

“До Москвы больше часа пути, можно и вздремнуть”, – подумал Теплоструев, но заснуть было не суждено, поскольку внезапно заговорил Борис.

– Ты ведь заметил, – это был не вопрос, а утверждение.

– Как ты запаниковал и вылетел пулей? – Теплоструев скривился. – Конечно, заметил. Даже кофе бросил. Варёный!

– Я три войны прошёл. Про страх забыл ещё на Кавказе, остались только холодный фатализм и сухая злоба... Но таких глаз, не поверишь, боюсь, как муха дихлофоса. А что война? Тебе любой скажет: есть враг, и ты сам для него – враг. А представь себе, что ты вот такую загадочную девушку полюбил, свадьбу с ней сыграл, а мать эта самая, что во взгляде этой официантки ты сейчас видел, пряталась до поры до времени.

– Это ты про себя рассказываешь, или так рассуждаешь, абстрактно? – Уточнил Теплоструев, заметивший резкую перемену в лице своего напарника.

– Ну, про себя, допустим, – угрюмо буркнул Борис. – Вот женился я на такой красавице, а она ещё и умная была, стихов знала наизусть множество. Прожили год душа в душу! Я в милицейском спецназе служил, зарплата, паёк, форма. А как с Кавказа вернулся, там меня первый раз ранили, нас уже не двое, я и она, а появился этот третий. И он тенью в глазах у неё мелькает. Я с женой разговариваю, а он на меня смотрит! Сначала он присматривался, молчал, только жену мучал: ночью она стала просыпаться часто, а днём, наоборот, засыпать посреди дня. Я думал, это она от переживаний, мол, муж раненый, нервы, волнения. Всё пройдёт, думал. И правда, ей лучше стало. Дочкой она много занималась, ну ни дать, ни взять – счастливая семья. Тут уехал я ещё на три месяца, а болезнь того и ждала... Эх!

Борис замолчал, но даже сквозь гул двигателя было слышно, как он скрипит зубами, преодолевая глухое отчаянье. Тяжело ему давался это признание, но неосознанное доверие к своему попутчику толкало его на то, чтобы впервые рассказать живой душе о засевшем в сердце переживании.

– Шли колонной через долину, попали под обстрел, три или четыре миномёта и десяток абреков с автоматами, троих наших – насмерть, у меня тяжёлая контузия. Шесть месяцев в госпитале провалялся, стоял вопрос об увольнении из МВД. Вернулся домой и тут, мама родная, такое началось! Я на эту войну, как на курорт с массажем вернуться хотел! Эта тень уже в полный рост встала между нами, я порой не знал с кем и говорю-то. Другой бы запил на моём месте, но я водку не переносу, а с пива, сам знаешь, ссать хочется, много не выпьешь. Так я в погранвойска перевёлся, в Среднюю Азию уехал на три года, чтоб с ума вместе с ней не сойти. А был на грани! Я с ней говорю, она мимо смотрит. Пожалеть хочу, слышу шипение: «Не трогай, гадина»! Это мужу она такое говорила, каково! И ещё – стирала. Но как? Словно маньячка какая! Целый чулан порошков стиральных, отдушек, замочек, примочек. А ещё: синька, белила, краска, чёрт пятнистый! Отмочка в трёх водах, машинка шуршит, на кухне бельё кипит... Покупай, говорит, вторую машинку, «Малютку»! Чуть скатерть постелила, крошки уронили, всё – стирать.

Борис ударил руками по рулевому колесу, в ответ Стрикс испуганно вильнул по шоссе.

– Может, остановимся? – заволновался Денис.

– Нет, я в норме, – ответил Борис, но вряд ли это было правдой.

– Эх, кабы я догадался, что это болезнь, может, сразу бы лечить начали, помочь можно было бы. Я с матерью своей заранее поговорил: уеду, за внучкой приглядывай... Но всё-таки, получается, убежал с поля боя, дезертировал. А заклинило меня после одного случая. Я с дочкой из парка вернулся, спать её уложил. Захожу в ванную – жена стирает, наклонилась над тазом и трёт, трёт. Я сзади приобнял её, мол, соскучился. А она такая тёплая, мягкая! Но не тут-то было. Супруга моя законная поворачивается и пристально так, словно впервые видит, на меня смотрит! Но, честное слово, я и испугался не на шутку. Не она на меня смотрела, а кто-то чужой, злой и голодный. И показалось мне, что этот монстр душу мою выпить хочет. Я замер, а она спокойно так руки о полотенце вытерла и по лицу меня ладонью – хрясть! Я понимаю, даже с точки зрения науки женщина – существо малоизученное! Ну и пусть будет загадка, но если к ней добавить душевную болезнь, то препятствия для семейной жизни будут непреодолимые. Никому не захочется бродить по мрачному лабиринту, в глубине которого воет минотавр. И не страх в твоём сердце, а ужас и ты абсолютно беспомощен, и оружия никакого не придумано...

После этих слов Борис ударил по тормозам и съехал на обочину. Он вышел из машины и широкими шагами, напролом, обдирая руки о колючие ветки кустов, пошёл в ближайшую рощу. Денис выскочил тоже, не зная, чем помочь, но услышав за деревьями странные гортанные звуки, остановился. Караваева рвало.

Через двадцать минут Караваев вышел к машине, весь в листве и репейных колючках, но уже привычно спокойный. Только лопнувший на белке левого глаза сосуд напоминал о буре, прошедшей по его сердцу. Он сел в машину и с усталой улыбкой посмотрел на обескураженного Дениса, тихо сказав:

– А ты говоришь, кофе варёный!

Глава 2

*«Не домогайся начальства не данного
и не отвергай данного»
Св. Григорий Богослов, IV век*

В город Зарецк епископ Тимофей прибыл 24 сентября 1770 года (или лета 7278 от сотворения мира в старом исчислении) поздно вечером. В день тот праздновалась память первомученицы Фёклы Иконийской, сподвижницы апостола Павла и безмездной целительницы тяжёлых болезней. Лечила Фёкла и травами, и настоями, и мазями, но наипаче молитвою. Она жестоко пострадала от местных знахарей, имевших хороший доход от пользования недужных и немощных. Так, любое доброе дело, творимое человеком, возбуждает в тёмных душах злобу и зависть, разъяснял епископ смысл этой житийной повести своему келейнику Михаилу, молодому ещё человеку с едва наметившейся бородой. Тот вздыхал и качал головой, мол, благо творить не прочь, да пострадать не готов.

Солнце, ещё по-летнему ясное и тёплое, медленно садилось за ольховую рощу. Его лучи расцвечивали резной деревянный городок, стоящий на трёх невысоких горках жёлтым, оранжевым и розовым светом, делая его похожим на пряник. Никуда не заезжая, повозка с путниками в запylённых льняных подрясниках сразу последовала на подворье. Уставшие с дороги лошадки, каким-то наитием почуяв скорый отдых, овёс и воду, припустили по пыльной улице так, что Михаилу приходилось их сдерживать.

Архиерейский дом был новый, двухэтажный, с каменным первым этажом, и резным деревянным балкончиком, но весьма невелик размерами. Внизу располагалась канцелярия и кухня, на втором этаже – покои епископа на три комнаты, включавшие келью, кабинет и приёмную залу. Впрочем, в зале той могло поместиться не более двух дюжин человек, не толкая друг друга локтями. За домом были длинный бревенчатый каретный сарай, конюшня, дрова-

ной и продуктовый сарай (последний с погребом), неуклюжий одноэтажный дом для монахов архиерейского подворья (коих не было в наличии) и людские. Подворье было окружено старым плодовым садом. Собственной церкви здесь не было. Все эти строения были возведены стараниями предшественника по кафедре – первого Зарецкого епископа Митрофана.

Кратко осмотрев владения, новый архиерей решил, что всё не плохо, но надо пристраивать к покоям домовую церковь. Вечерние визиты Тимофей отменил, сославшись на крайнюю усталость после дороги, что было сущей правдой. Но тут же послал служителя к настоятелю соборного Зарецкого храма с известием, что завтра в оном храме будет отслужена им божественная литургия и молебен, а также сказано приветственное слово для народа по случаю вступления на кафедру. Настоятель Кафедрального собора, получив известие о прибытии правящего архиерея, велел звонить в колокола четверть часа, что и было исполнено со всем тщанием местными звонарями братьями Подлесных. Сам же епископ уединился в покоях для отдыха и молитвы, попросив лишь горячего смородинового отвара и сушек. Михаил же, забравшись на балкон, с удовольствием вдыхал густой воздух нового места (пахло подгоревшими пирогами, сеном и разнотравьем) и, вытянув босые ноги, долго смотрел, как садится солнце, играя лучами на узкой ленте речки Летки.

На следующее утро разряженные горожане собрались у Покровского собора задолго до назначенного времени. Торжественное настроение и волнение охватили публику, видевшую на своём веку не так уж много архиереев. Кроме удалившегося на покой в Высокопетровский монастырь по болезни первого Зарецкого епископа Митрофана, в общем-то, и никого более в скромном уездном городе из них отродясь и не было. Ну, может, заезжал пару раз Азовский епископ, да когда это было!

Но вот в конце улицы показалась карета нового епископа. Два соборных протоиерея, протодиакон Мефодий и полтора десятка окрестных священников составляли делегацию местного духовенства. Староста собора, купец второй гильдии Чаботыров, дородный и лохматый, с добрыми васильковыми глазами, в одиночку держал каравай на полпуда с деревянной солонкой на вышитом его дочерью рушнике. Позади него стояли представители местного общества во главе с потомственным дворянином Гурием Ивановичем Пьяновым и его супругой.

Внутри храма тем временем, по команде первого иподьякона все служители – оба его помощника, посошник с архиерейским жезлом, свещеносец с примикирием и один из рипидчиков с архиерейской мантией – прошли на солею. После положенных по чину поклонов, все спустились с солеи и проследовали к главным дверям.

Гурий Иванович сказал краткую приветственную речь, купец поднёс хлеб-соль. Новый епископ впервые перешагнул через порог Соборного храма и встал на орлец.

Молодой посошник Илья, сын единственного местного аптекаря Льва Даниловича Теплоструева, стоял чуть поодаль, с прямой спиной и волнением на лице, благоговей перед новым владыкой и гордясь оказанной ему (а точнее, его отцу – ктитору соборного храма) неслыханной честью. Сам того не замечая, он постоянно теребил парчовый сулок, привязанный к посоху. Старший иподьякон свирепо выпячивал на него глаза, пытаясь привлечь внимание, но тщетно. На пару с другим служителем Илья раскладывал перед архиереем и убирал в нужное время орлецы – коврики с вышитыми парящими орлами, символизирующим, как говаривал протодьякон, что ни один суслик не прошмыгнёт незамеченным.

Когда епископ Тимофей проследовал к старинной чудотворной иконе святителя Николая, Илья кинулся с орлецом к небольшому возвышению-помосту перед ней, зацепился за гвоздь, предательски высунувший головку из потертой половой доски, и чуть не растянулся перед иконой в земном поклоне. От ужаса и стыда, охватившего Илью, небо свернулось в свиток и звёзды опали с неба со странным скрежетом. А нет, это первый иподьякон, побагровев, издал тихий, но гневный рык.

Протодиакон возгласил густым, как сметана на сырной неделе, голосом: "Премудрость!" и хор торжественно начал петь "От восток солнца..." Илья с трепетом принял у архиерея посох – старый, без резных украшений, но крепкий, лёгкий и очень тёплый. Сразу после этого он подал епископу жезл, и тот принял его, такой тяжёлый и неудобный, со съехавшим вниз сулком, но тут же вернул. Пришло время облачаться. Первый и второй иподиакон одели на архиерея мантию, после чего духовенство целовало крест из рук нового епископа. Илья вновь подал архиерею жезл и взялся за мантию двумя руками.

Первый иподьякон появился за спиной и прошипел на ухо Михаилу: «Ноги выше подымай, хобяка колченогий!». Епископ Тимофей двинулся к кафедре, Илья шёл следом, ступая аккуратно, и неся мантию двумя руками. Разворот с широкой складчатой мантией на амвоне дался Илье с трудом, но прошёл без происшествий.

Епископ чинно повернулся лицом к народу и осенил его на три стороны дикирием и трикирием. Хор запел на умильный, специально разученный, протяжный мотив «Тон деспотин». Солировал пожилой толстый хорист с подозрительно блестящими глазами и вдохновенным лицом. Его чистый тенор ни разу не сорвался, не вылез неуклюже поверх хора, но и не потерялся в наваристых провинциальных басах и баритонах. Народ почти что плакал, кто от умиления, а кто от облегчения, что всё идёт без помарок.

В конце чина облачения, после возгласа протодьякона «Тако да просветится...» епископ вновь осенил народ на четыре стороны, и хор повторил приветствие «Тон деспотин кэ архиереа имон кирие филатте ис полла эти деспота!» на тот же мотив и с не меньшим умилением. После чего большинство присутствующих уже и не знали, на небе они или на земле. Литургия была отслужена новым епископом и соборным духовенством с благоговением и молитвенным вниманием. В алтаре, после пения «Отче наш» епископ поманил к себе Илью и вручил ему из собственных рук девятичинную просфору. Не чуя ног от радости и благодарности, Илья проследовал на своё место. И, не удержавшись, бросил торжествующий взгляд на каменное лицо первого иподьякона, делавшего вид, что ничего не произошло.

После обедни новый архиерей в мантии вышел на амвон для произнесения приветственного слова. В руке его был благословляющий серебряный крест с четырьмя небольшими, в ноготь годовалого младенца, круглыми зелёными камнями на лучах, видно, что старинный. Илья положил орлец владыке под ноги и замер рядом, слушая негромкий, но твёрдый и светлый до прозрачности голос. Торжественная речь была очень краткой и не напыщенной:

– Братья и сестры, возлюбленные о Господе чада. Прошли те времена, когда народ христианский из своей среды выбирал благочестивого мирянина или клирика для того, чтобы он занял епископский престол и стал бы пастырем пастырей и отцом для верующих. Своим непорочным житием, своим благочестием, неложной скромностью, но и учёностью также, такой человек многие годы был примером для всех и вся. С упованием на Бога, народ доверял такому человеку жезл пастырский и кафедру святительскую. Теперь же всё иначе. И мне, приехавшему в ваши богоспасаемые земли, только предстоит показать всем людям, что не напрасно пал на меня выбор Синода и Государыни. Мне предстоит, по слову апостольскому, для всех стать всем. Потому и прошу я молитв у вас об укреплении моих скромных сил телесных, а наипаче душевных. Так призовём же соборно благословение на наши начинания и с терпением и молитвой станем трудиться во славу Божию и процветание Зарецкой земли!

После целования креста народом, во время которого архипастырь благословлял каждого подошедшего лично, говоря по несколько приветственных слов, сам епископ, духовенство и знатные горожане проследовали в трапезную при соборе, для утешения телесного.

Все званые на трапезу горожане уже выстроились в очередь с приглашениями на обед в собственном доме, имении, усадьбе. По умильно-требовательным выражениям лиц хлопотливых хозяев было ясно, что отказа они не переживут, а порядок визитов сразу может нарушить сложившуюся в городе иерархию, приведя к обидам друг на друга. Епископ Тимофей

предельно ясно увидел эту ситуацию и её последствия и немного растерялся, хотя виду не подал.

– Ну, держись, Владыко, – с завистливым сочувствием вздохнул себе в усы настоятель кафедрального собора протопоп Фёдор. По хорошей провинциальной привычке, в распорядке дня настоятеля всегда было время и для благочестивых наставлений, и для визитов вежливости к знатым особам, ну и, конечно, для хорошего обеда. Часто все три важных дела совмещались по одному адресу, что давало немалую экономию времени. Приезд епископа невольно перемещал настоятеля с первой позиции на вторую, делая его фигурой менее весомой. А с другой стороны, должность его превратилась теперь в более значимую. Настоятель кафедрального собора! Да таких всего три человека на всю большую епархию с викариатствами, что сулило немалый почёт.

Михаил собрал приглашения в специальный ларец, подготовленный им заранее, отвечая каждому, что епископ никого не обидит и будет в молитве усердствовать за всех и вся. Архидерей же, сохраняя благодушную улыбку на лице, молился с великим внутренним напряжением, прося вразумления себе и мира в сердце каждого.

Сразу после утренней службы епископ Тимофей посетил дом местного магистра Арсения Александровича Бочарникова и благословил всех его щекастых детей-погодков числом то ли семь, то ли восемь. Там же ему предложен был обед, за которым присутствовали некоторые благородные особы и чиновники.

После этого епископ переехал на соседнюю улицу, где пил чай в обществе купца Прохора Васильевича Чаботырова и его семейства, а именно супруги Ларисы Нититичны и двух сыновей, Николая и Петра. Тут же за чаем, Прохор Васильевич погорился Тимофею, что болезнь проклятая одолела его доченьку Меланьюшку. Мастерница она, рукодельница, да испуг её взял, теперь из дома не выходит, исхудала вся. Росла Мелания до шестнадцати лет живая, впечатлительная, всё выдумывала про птиц и зверей, сказки да небылицы любила. А раз в деревне летом, спала она на сеновале с дочкой приказчика из поляков, Ядвигой и дочкой конюха Анчуткой. А Ядвига та полночи рассказывала страшные истории про драконью яму да краковскую старуху-колдунью, слышанные от бабки. А конокрады цыгане (ночь была тёмная, безлунная) забрались за лошадыми да заглянули на сеновал, вдруг, чем поживиться можно. Мелания крикнуть хотела, а её цыгане и припугнули: слово скажешь, смертью мучительной умрёшь. А Ядвижка с Анчуткой, что с ней были, те даже не проснулась.

Епископ в задумчивости помолчал немного, а потом велел показать ему девушку. В небольшой комнате за вышиванием сидела миловидная, но очень бледная, высокая и широкая в кости девушка, как две капли воды похожая на купчиху Чаботырову. Она бросила нитки, вскинула руки, заслоняясь от гостей, и втянула голову в плечи. Епископ Тимофей осторожно положил правую руку ей на голову и, вновь помедлив слегка, сказал купцу:

– Я завтра опять приеду, помолимся вместе, а там, как Бог управит.

И тут же отдал распоряжение келейнику:

– Готовь с утра молебен с крестом и водосвятием!

После прощания с семьёй купца епископ с келейником пешком прошли полквартила и остановились возле аптеки Льва Даниловича Теплоструева. Незаметно для себя самого Тимофей стремился в это царство склянок, ступок, порошков, тинктур и декоктов. Мир аптеки незримо соседствовал с миром далёкого детства, помогал воскресить в памяти усопших родителей и напоминал о весёлом и беззаботном времени, проведённом в отчем доме.

Внутри аптеки, у широкой стеклянной витрины застыл Илья с большой бутылкой кипячёной воды в руках и, не веря своим глазам, взирал на шествие епископа с келейником. Сообразив, наконец, что гости направляются прямо к его витрине, он сорвался с места и побежал предупреждать отца, расплёскивая воду по полу.

Открыв дверь внутрь помещения, Тимофей на секунду задержал дыхание и только потом вдохнул полной грудью насыщенный, благовонный воздух аптеки. Вместе с запахами трав, спирта, горелого дерева и щёлока нахлынули образы улыбчивой матери и вечно спешащего отца, в переднике из белого холста и круглых очках. Его руки, изъеденные кислотой и многократно обожжённые кипятком, держат большую книгу для записей с деревянными переплётными крышками и кожаным корешком. И вот-вот отец позовёт Тишу, чтобы дать очередное поручение: отнести готовый заказ или слазить на чердак за пучками сухих лекарственных травами, многие из которых которые они с матерью и братом собирали своими руками...

– Вот так и живём, я да Илюша. Посетителей много – врача-то в городе нет, только старый военный фельдшер Мур, да он ослеп совсем, – рассказывал Лев Данилович, проводя епископа и его келейника по аптеке, показывая своё хозяйство.

Небольшой приёмный зал с прилавком и парой скамеек у стен, рецептурная комната с чистым столом, на нём три агатовые ступки разных размеров и медные весы. Большой вращающийся шкаф для лекарственных веществ с белыми фарфоровыми штанглазами на полках. Епископ взял наугад один из них и прочитал вслух надпись на нём, покачав головой:

–

S

аро jalarinus. Какая редкость!

Вот материальная комната с запасами трав, порошков и жидкостей. Всё в порядке, всё аккуратно подписано, развешано и разложено: душа радуется. В комнате провизора накрыли чай для гостей. Михаил, выпивший у Чаботырова семь чашек китайского чая с пирогами, тем не менее, с удовольствием сел за стол. Тимофей, по своему обычаю, никогда не допивал и одной чашки.

– Я сам учился в Киеве, в казённой аптеке у Лютберта Шульце. Все ученики звали его херр Лютый, – рассказывал Лев Данилович. – Ох, и правда, лют бывал этот лощёный фрайбургский господин. Колачивал крепко слуг и учеников своей ореховой тростью. Чуть что не так, хватать по спине или по рукам с криком: «Фауле шмахтер, доннерветтер!» Меня он прозвал «Штумпер», что по-ихнему «халтурщик». Надо сказать, бранных выражений немецких я знаю теперь несколько дюжин, ибо ругался наш лютый хозяин только на родном наречии, а поскольку он почти всегда был не в духе, то ругался часто и вместе с наукой провизорской я и это учение накрепко усвоил.

Лев Данилович ещё подлил гостям необыкновенного душистого травяного чая из глиняного запарника. Епископ поводит носом и сказал:

– Дай угадаю... Тимус, мента, оцимум и что-то ещё. Неужели, нелюмбо?

– Всё точно, и лотоса я немного добавил, – развёл руками Теплоструев. Михаил с гордостью покосился на аптекаря: вот таков наш епископ!

Лев Данилович продолжил рассказ:

– Сдал я в девятнадцать лет экзамен на должность гезеля и забрали меня в войска году в 1740-м, в полевую аптеку. Четыре года на юге служил. Но война с Турцией уже год как закончилась, следовательно, боёв и тяжёлых раненых я не видел. Были поносы, отравления, натёртые ноги, падения с лошадей, вши да парша. Всё что в обычной жизни и необходимо знать. А экзамен на провизора я сдал в Москве в сорок шестом, где и женился в тот же год на Ольге Васильевне. Потом переехал в отцовский дом в Зарецк, где по разрешению аптечного приказа открыл свою аптеку. Потом и Илюша родился, в 1753 году, а больше Бог нам с Олюшкой детей не дал. А три года назад она умерла.

Епископ после чая вновь вышел в приёмный зал, огляделся и встал за прилавок, положил руки на шершавое дерево и вновь задумался о чём-то далёком. Потом подвигал левой рукой деревянную коробку с дешёвым немецким кнастером, поверх которой аккуратной рукой

Теплоструева были уложены ровно нарезанные листки. Из них вертелись кулёчки, в которые и насыпался табак после взвешивания.

Странно смотрелся епископ в своей мантии, низком клобуке, надвинутом на брови и пангии среди аптечных склянок и бутылок. Но сам он этого не замечал, погружённый в воспоминания.

– Большую склянку капель почечуйных, пожалуйста, да поскорее, – сгорбившись, гнусавя и тряся руками, вдруг сказал Михаил, обращаясь к Тимофею. Пародия эта была очень удачной и смешной, что никто не удержался от улыбки.

– Ну, а ты, Илья, думаешь дальше учиться? – спросил епископ сына аптекаря, когда они уже вышли прощаться к дверям аптеки.

Илья собрался с духом, но ответил честно, выложив все свои тайные помыслы и мечтания последнего года:

– Владыко святой, я хочу следовать путём монашеским. Более всего на свете я люблю богослужения, молебны, каноны и духовные песнопения. Хотел бы проповедовать с амвона и заботиться о народе божьем.

Сердце его радостно трепетало в ожидании одобрения и благословения. Архиерей не сдержал хитрой улыбки:

– Епископского сана желаешь? Доброго дела желаешь! Послужить ближнему в сане архиерея – чем не занятие? Так и апостол нам заповедал. Только не так всё просто устроено в мире, и где пути Божии проложены, нам порой не ведомо. Я вижу твоё усердие о службе церковной, и волен ты сам выбирать поприще. Но сдаётся мне, что имею я право дать тебе совет пастырский. Чем в эмпиреи возноситься, помогай усердно отцу в его благом деле, усердно учись, стань провизором или врачом, женись...

Илья с удивлением посмотрел в глаза епископу, не ожидая услышать от него такого странного совета. Сердце забилось часто и тревожно. Уж монах, думал он, в таком деле, какое он задумал, поддержит. Ладно, отец, тот и слышать о монастыре не желает, головой качает, даже слезу смахнул однажды. Но что отец, если сердце рвётся к жизни иноческой? А тут...

– Вот ты горишь сейчас как свеча, чистым пламенем, хочешь ангельский образ принять, – продолжил Тимофей, как бы читая мысли Ильи. – Но смысл жизни нашей не в том, чтобы желания свои исполнять, а чтобы волю Божию слушать. Монастырь монастырю рознь, не все иноки – ангелы и не все настоятели – отцы.

– Мне...

– Слишком ты человек добрый и чувствительный, да жалостливый очень. В этом и хорошая сторона есть, но и слабость твоя будет всегда. А ты ведь жизнь пока по книгам знаешь. А есть люди такие, что посмотрят – вот безответный человек, да подмять, да поломать тебя захотят. Я разного и всякого в жизни повидал. Бывает, поскребёшь немного монашка, а под ним или мужик безграмотный, невежа, или дурак, или пропойца, не дай Бог...

– Но я... – попытался слово вставить Илья, буквально оторопевший от такой прямоты епископа. Он пребывал в полном недоумении: семья – это же... жениться надо. И не знаешь, как к такому деликатному делу подступиться.

– А девицу хорошую не так трудно найти. Как отцы учат: семья – малая церковь! Вот и будешь верховодить над своей епархией наподобие архиерея. Деток уму-разуму учить, добрые дела делать и в храме помогать, как батюшка твой.

Илья густо покраснел, но возражать больше не посмел. А епископ продолжал, как ни в чём не бывало:

– Я вот что думаю, приготовь-ка сам по прописи настойку пионовую с нашатырём и отнеси завтра вечером в дом купца Чаботырова. Скажешь, что я прислал! Да отдай склянку лично в руки дочке его, Меланье, и расскажи ей подробно, как, да поскольку, принимать. И не забывай, аптекарь не только прописью, но и словом добрым и участием лечит!

Утро следующего дня выдалось непогожим. Сквозь плотную завесу туч едва проглядывало осеннее солнце. Клонило к дождю. Ветер хлопал немногими ещё распахнутыми окнами и гнал сухую серую пыль по переулкам маленького городка Зарецка.

Епископ Тимофей после утреннего правила и чая с калачом уединился в кабинете. Михаил трижды с промежутком в четверть часа заглядывал к нему, чтобы узнать, не пора ли ехать к Чаботыровым. Но епископ всё махал рукой и сосредоточенно листал какую-то медицинскую книгу.

Наконец, подняв глаза от книги, он произнёс:

– «Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую. Ревнуй бо и покайся».⁴ Это слова святого апостола Иоанна Богослова, память которого сегодня совершается. Но он же и сказал, дабы мы не забывали о милосердии Божиим: «Видите, какову любовь дал есть отец нам, да чада Божие наречемся, и будем»⁵.

Он опять замолчал, задумавшись, нащупывая неуловимую грань между составами душевными и духовными, выбирая средства, необходимые для помощи в такой странной болезни, какая была у купеческой дочери. Тяжёлый медицинский фолиант в коричневом переплёте на латинском языке лежал на столе разверстый всей своей бездной научных знаний. Рядом с ним примостилось не большое по формату, но толстое, не меньше фута толщиной Евангелие с десятком нитяных закладок.

– Вот, Миша, – заключил епископ. – Дело нам предстоит не простое. У Меланьи болезнь нервная, от испуга произошедшая, к тому и из комнаты она уже год не выходит, спит при свечах. Но девушка она хорошая, добрая. Нет у болезни сей духовной основы! И средства для лечения нужны медицинские. Но мы поедем с тобой в дом купца, и молебен отслужим, полагаясь во всём на Промысел Божий. А дальше посмотрим. А ты мне вот что подсоби...

И епископ отдал подробные распоряжения насчёт молебна.

Прохор Васильевич с раннего утра стоял у ворот своего дома, ожидая приезда епископа. Дважды молодая кухарка Лизавета растапливала самовар, он простывал, но гостя всё не было. И вот, наконец, показались две кареты: первая – архиерейская и ещё одна, попроще. Лошади поравнялись с домом Чаботырова и остановились посреди улицы. Из второй кареты не спеша выбрались четверо соборных певчих и по мановению руки Михаила во весь голос затянули тропарь кресту: «Спаси Го-о-споди лю-у-ди твоя-а-а...». В окне показались удивлённые лица сыновей Чаботырова, а жена его, путаясь в юбках, выбежала из дому навстречу шествию. Хор усилил громкость песнопения до громогласного и проследовал в дом. Лиза чуть не опрокинула самовар, который второпях разжигала в третий раз. На словах: «И твое-э сохраня-а-я крестом твоим жи-тель-ство-о-о» двери архиерейской кареты распахнулись, и оттуда торжественно шагнул на землю епископ Тимофей с серебряным крестом в левой руке и посохом в правой. Выражение лица его было до того возвышенным, что казалось, будто дюжина ангелов трубит в свои невидимые трубы у него над головой. Михаилу показалось, что занавесочка в угловой комнате купеческого дома, где затворничала Мелания, слегка поколебалась.

Вновь затянув тропарь, певчие проследовали в дом, за ними с торжественным видом прошли Тимофей и Михаил с серебряным сосудом для воды и кропилом. Прямо в главной зале немедленно начали водосвятный молебен. Трижды окунув в воду крест, епископ быстрым шагом проследовал в комнату Меланьи и возложил его на голову девушке, пребывавшей в полном ступоре.

Напряжение в комнате было такое, что воздух, загустевший до состояния овсяного киселя, отказывался втягиваться в ноздри и все дышали ртом, как рыбы.

⁴ Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся (Откровение 3:19)

⁵ Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими (1 Иоанна 3:1)

– Тебе говорю, встань и ходи, – громко сказал епископ. Меланья осталась сидеть на месте. Лариса Никитична разочаровано всхлипнула, закусив конец шали. Тимофей наклонился к купеческой дочке, мягко взял её обеими руками за голову и нарочито сердито, но твёрдо, как власть имеющий, проговорил ей на ухо:

– Чего сидишь-то? Всю жизнь тут провести хочешь? В старуху превратишься, не успеешь оглянуться.

Меланья вздрогнула и медленно подняла глаза на окно, за которым застыли лица братьев. Тимофей осторожно взял затворницу за руку и она, всем естественным чувствуя чужую волю, такую сильную, что сопротивляться не было сил, но и столь же добрую, как бабушкина колыбельная в детстве, встала и сделала несколько шагов в сторону двери. Ещё немного и она вышла в главную залу. Кухарка, стоящая в дверях, уронила на пол стопку тарелок, но никто этого не заметил. Епископ вывел девушку на улицу и повёл за ворота. Хор, разогревшийся анисовой, как ни в чём не бывало, грянул: «Тебе Бога хвалим...»

Утром следующего дня Михаил с удовольствием докладывал епископу о событиях, произошедших в доме Чаботыровых после молебна. Он спозаранок успел посетить счастливое семейство и еле вырвался, со смирением съев два пирога с вязигой и ватрушку со сладким творогом. Чая и варенья никто не считал.

– После того, как болящая приложилась к кресту, и мы уехали, она проследовала в свою комнату и первым делом, легла на кровать и мгновенно уснула, – рассказывал келейник епископу, сидящему в кресле с босыми ногами, обёрнутыми свежими капустными листьями (от долгой тряски в дороге голени сильно отекали). – Проспала она аккуратно до обеда. Потом вышла сама и попросила у Лизаветы поесть.

Тимофей спрятал в бороде довольную улыбку и спросил:

– Хорошо ли откушала?

– Да уж хорошо, с аппетитом, подобающей купеческой дочери – усердствовал в докладе Михаил. Достав листок бумаги из кармана, он начал перечислять:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.